

Таврическая академия
Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
исторический факультет
кафедра новой и новейшей истории

**V «СЛИНКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»:
сборник материалов научно-
практической конференции**

**17 февраля 2017 г.
г. Симферополь, РФ**

«Слинкинские чтения»: материалы V Научно-практической конференции памяти профессора М.Ф. Слинкина, 17 февраля 2017 г., Симферополь / кафедра новой и новейшей истории, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского; отв. за выпуск Д.В. Дорофеев. – Симферополь, 2017. – 35 с.

В сборнике размещены материалы V Научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина (г. Симферополь, 17 февраля 2017 г.)

Материалы приведены в авторской обработке.

Редакционная коллегия:

Дорофеев Д.В. – кандидат политических наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

Косов А.П. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой; доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, (г. Витебск, Республика Беларусь)

Мазен Катато – доктор PhD истории, доцент (Assistant Professor), факультет образования, Вифлеемский университет (г. Вифлеем, Палестинская национальная автономия)

Ментешашвили И.Ш. – доктор исторических наук, профессор, член Международного наполеоновского общества, старший научный сотрудник Национального музея Грузии (г. Тбилиси, Грузия)

Тлеппаев А.М. – доктор PhD экономики, доцент, факультет экономических наук, Казахстанско-Немецкий Университет (г. Алма-Ата, Республика Казахстан)

Щевелев С.С. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

СОДЕРЖАНИЕ

Щевелев С., Катато М., Крыжко Е. РОЛЬ ИОРДАНИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ	3
Косов А. ГОСУДАРСТВА ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БЕЛОРУССИИ: ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА	8
Тлеппаев А. ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СТРУКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ	12
Корниловский А. ГЕРМАНСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ИРАНСКИЙ КУРДИСТАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	16
Шандра А. ОСОБЕННОСТИ «ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА» В УПРАВЛЕНИИ ПАЛЕСТИНОЙ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ)	21
Дорофеев Д. ГЕНЕЗИСА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМ США: КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНВЕНТ 1787 Г.	24
Зайко А. К ВОПРОСУ О ЯПОНСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	27
Рейзов И. ОЦЕНКА В РОССИИ СОСТОЯНИЯ АМЕРИКИНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2009 – 2011)	31
Фазлиев С. АФГАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РАЗВИТИЕ В XX-XXI ВЕКАХ	34

Щевелев С., Катато М., Крыжко Е.

РОЛЬ ИОРДАНИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

После окончания шестидневной войны основной задачей в деле урегулирования палестино-израильского конфликта становится согласование ключевых проблем и вопросов между представителями арабских стран, палестинским движением сопротивления (ПДС) и Израилем. Значительную роль в попытках решения конфликта после событий июня 1967 года играла позиция Иордании, которая столкнулась с рядом внутривластных и внешнеполитических проблем, поставивших ее перед выбором методов урегулирования конфликта.

19 июля 1967 г. были сформулированы мирные договоры, где правительство Израиля выразило готовность уйти с большей части занятых в ходе боевых действий территорий (а именно, с Синайского полуострова и Голанских высот – *С.Щ., М.К., Е.К.*) в обмен на подписание мирного соглашения с Египтом и Сирией. По поводу Западного берега реки Иордан и сектора Газа в этой резолюции ничего не было сказано, однако именно они являлись предметом основных разногласий. Л. Эшкол и А. Эбан не выходили за рамки провозглашения общих принципов, тогда как М. Даян высказался вполне определенно. В интервью, записанном еще до окончания боев, М. Даян сформулировал предложения по регулированию конфликта, первый пункт которых гласил: ни полоса Газы, ни Западный берег не будут возвращены [5, с. 49]. Более того, после посещения Газы 5 июля 1967 г. М. Даян заявил: «Полоса Газы должна стать составной частью Израиля» и сформулировал план. Предполагалось строительство военных баз, окруженных поселениями, расположенными около основных арабских городов Наблус, Дженин, Рамалла и Хеврон [9, с. 184; 16, с. 64]. Еще более жестко высказались представители Кнессета. По их мнению, следовало добиться демилитаризации Синайского полуострова, удержать Западный берег, объединенный Иерусалим и Голанские высоты. Границы Израиля должны совпадать с границами подмандатной Палестины, поскольку исторически сектор Газа никогда не был частью Египта, а Западный берег – частью Трансиордании [15, с. 61].

Однако даже предложения о полном возврате Синайского полуострова и Голанских высот не повлияли на категорический отказ арабских стран вести переговоры с Израилем. Так, по иорданскому радио было передано специальное сообщение главы правительства Иордании Б. Тахалуни, в котором говорилось: «Иордания уверена, что планы и шаги сионистского врага противоречат международному праву, и, что эти планы не найдут отклика в душе иорданских граждан, проживающих на Западном берегу реки Иордан. В сообщении также говорилось, что любой, кто согласится сотрудничать с сионистским планом, будет в глазах Иордании предателем» [1, с. 93]. Это сообщение было передано по личному указанию короля Хусейна, который был уверен, что создание гражданской автономии будет первым шагом на пути к созданию палестинского государства и, таким образом, настанет конец надежде когда-нибудь возвратить Западный берег.

Общая позиция арабских стран в отношении конфликта была сформулирована на Хартумской встрече в верхах (ее бойкотировали Алжир и Сирия – *С.Щ., М.К., Е.К.*), которая проходила в суданской столице 29 августа – 1 сентября 1967 г. [4, с. 184]. В тексте заключительного Заявления по итогам этой встречи, в частности, говорилось: «короли и главы арабских государств решили объединить свои политические усилия на международной арене и в сфере дипломатии, чтобы ликвидировать последствия израильской агрессии и добиться вывода израильских войск с арабских территорий, оккупированных с 5 июня 1967 г. Это будет происходить в рамках принципов, которые утверждают арабские государства, а именно: нет – миру с Израилем, нет – признанию

Израиля, нет – переговорам с ним» [Там же, с. 184 – 185]. Главный тон на совещании задавали Г. Насер и король Хусейн. В интерпретации арабов «три нет» выглядели не столь категорично. «Нет» миру не означало «нет» формальному мирному договору. «Нет» признанию Израиля де-юре, а де-факто не исключается. «Нет» прямым переговорам позволяло их вести через посредников [11, с. 38].

Иордания подписала Хартумское заявление, при этом ее собственная позиция отличалась гораздо большей умеренностью. На этой почве Иордания сближалась с Египтом. На встрече короля Хусейна с президентом Г. Насером, состоявшейся 30 сентября 1967 г. в Каире, лидеры двух стран выработали свой вариант «арабской позиции» по вопросам ближневосточного урегулирования, которая включала пять основных пунктов:

1. Признание права на мирное и безопасное существование для любого государства в регионе. В том числе и для Израиля.
2. Согласие на выход из состояния войны и самой войны.
3. Открытие для всех судоходных международных путей, в том числе и Суэцкого канала.
4. Уход Израиля со всех арабских территорий, которые он оккупировал во время июньской войны.
5. Окончательное урегулирование трагической проблемы палестинских беженцев и признание за ними права возвращения на свои земли [2, с. 284].

Совет Безопасности ООН 22 ноября 1967 г., после долгих дебатов, принял резолюцию № 242, в которой впервые был выдвинут и закреплён принцип «территория в обмен на мир» и основные условия достижения этого мира [13, с. 157]. Совет подчеркнул недопустимость приобретения территорий в ходе войны, подтвердил свою приверженность достижению справедливого и прочного мира в регионе на следующих принципах: вывод израильских войск с территорий, оккупированных в ходе недавнего конфликта; прекращение состояния войны и признание права всех государств региона на суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость, на право жить в мире, в безопасных и признанных границах. В резолюции также была подтверждена необходимость гарантий свободы навигации через международные водные пункты; решения проблемы палестинских беженцев; создания демилитаризованных зон [Там же, с. 157; 6, с. 72].

Иордания, которая одной из первых среди арабских стран признала резолюцию № 242 (в выработке которой в Совете Безопасности она сама принимала участие – *С.Щ., М.К., Е.К.*), понимала, что формула «мир в обмен на землю», составлявшая суть этой резолюции, не была основой для решения палестинской проблемы, лежавшей у истоков ближневосточного конфликта. Понимала она и то, что эта формула противоречила сути Хартумского заявления, отражавшего доминировавший тогда в арабском мире подход к данной проблеме – подход, исключавший возможность не только примирения, но даже переговоров с Израилем [1, с. 93]. Однако иорданское руководство, которое и прежде смотрело на ближневосточную ситуацию более реалистично, чем некоторые другие арабские страны, не питало после катастрофы 1967 г. никаких иллюзий относительно способности арабов решить данную проблему силовым путем. Очевидным было и то, что решение палестинской проблемы отныне стало частью более широкой проблематики, связанной с преодолением всех последствий недавней агрессии. Тем не менее, такая политика иорданского руководства в конце 60-х годов вступила в противоречие с «национально-революционной» стратегией Палестинского движения сопротивления, что привело к трагическому иордано-палестинскому конфликту 1970 – 1971 гг. [10, с. 16]

Сложная политическая ситуация, в которой оказалась Иордания, предопределила и основные направления ее внешней политики. Сохраняя традиционную ориентацию на Запад, иорданское правительство пошло дальше по начатому в 1962 – 1963 гг. пути проведения более сбалансированного внешнеполитического курса. Руководство Иордании

продолжало активные контакты с правительствами западных стран и руководителями арабских государств. Эти контакты были подчинены задаче ликвидации последствий израильской агрессии, занявшей после 1967 г. основное место в иорданской внешней политике. Важное значение для формирования политической линии Иордании в этом вопросе имело то обстоятельство, что уже весной 1968 г. иорданское руководство заявило о своей приверженности политическим методам урегулирования конфликта на Ближнем Востоке. Вслед за Египтом, Иордания информировала Генерального секретаря ООН о своей готовности пойти на выполнение всех пунктов резолюции СБ ООН № 242 [7, с. 63]. Иордания официально заявила о том, что резолюция № 242 должна быть положена в основу политического урегулирования ближневосточного конфликта. Из высказываний государственных деятелей Иордании следовало, что они рассматривали эту резолюцию как приемлемый для арабов вариант урегулирования в конкретных исторических условиях, сложившихся после израильской агрессии 1967 года. Иорданцы подчеркивали важность содержащегося в резолюции № 242 положения о «недопустимости приобретения территорий посредством войны» и требования «о выводе израильских войск с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта» [19, с. 25]. Другого мнения придерживались США, которые считали, что урегулирование ближневосточного кризиса на основе резолюции СБ ООН № 242 означало для США отказ от плодов шестидневной войны, поражение американской ближневосточной политики и победу арабского национально-освободительного движения. Поэтому, была выработана новая политика, которая комбинировала военные и политические мероприятия. Политика заключалась в том, чтобы, балансируя на грани новой войны, держать арабов в постоянном военном напряжении, изнурять их этим и одновременно изыскивать пути и средства для раскола арабского лагеря, подрыва советско-арабского сотрудничества. Эти дипломатические методы получили в прессе название «тихой дипломатии» [12, с. 63]. Целью ее было затягивать состояние «ни мира, ни войны», которое работало на Израиль.

В феврале 1969 г. заместитель премьер-министра И. Аллон выступил со своим планом решения проблем беженцев [Там же, с. 64]. «План Аллона» предусматривал создание на части оккупированных земель самоуправляющейся арабской единицы без права внешних сношений. Сектор Газа предполагалось соединить автомобильными шоссе с районами, переданными Иордании, большая часть Голан должна была остаться под израильским контролем, а практически весь Синайский полуостров должен был быть передан Египту [3, с. 77]. Эта идея была осуждена не только в арабском мире, но и в американском обществе.

В декабре 1969 г. Государственный секретарь США Уильям Роджерс предложил план заключения мирного договора между Израилем, Иорданией и Египтом на основе почти полного вывода израильских войск с оккупированных им территорий. В кратком изложении основные положения выглядят следующим образом:

1. Рамками для переговоров по достижению прочного мира, учитывающего законные озабоченности обеих сторон, должна служить резолюция № 242.
2. Ситуация «ни войны – ни мира» не отвечает ничьим интересам.
3. Уступки арабской стороны будут заключаться в принятии окончательного мира, базирующегося на соответствующих соглашениях, а израильской – в уходе с оккупированных территорий, захваченных в 1967 г.
4. Мирный договор формулируется на основе четких и ясных намерений.
5. Обеспечение безопасности необходимо, в том числе за счет создания демилитаризованных зон.
6. Отвод войск не исключает незначительной ректификации линий перемирия 1949 г.
7. Вопрос о будущем Иерусалима должен решаться соглашениями между Иорданией и Израилем с учетом точек зрения других вовлеченных сторон и международного сообщества [4, с. 194].

План предусматривал соглашение о прекращении огня на три месяца, но оставлял открытым вопрос о статусе сектора Газы и Шарм-аль-Шейха, провозглашал свободу навигации в Тиранском проливе, разрешал судам Израиля проходить через Суэцкий канал, призывал справедливо решать проблему беженцев и взаимно признать суверенитет. Поэтому «план Роджерса», нацеленный на окончательное урегулирование и требовавший слишком больших уступок от конфликтующих сторон, никого не устраивал. Артиллерийские обстрелы на Суэцком канале продолжались, и война превратилась в «войну на истощение».

В условиях военно-политического тупика появился второй «план Роджерса». Он был принят госсекретарем 19 июня 1970 г. Этот вариант был менее амбициозным. Вместо всеобъемлющего урегулирования он предлагал промежуточное соглашение. В общем виде его можно было сформулировать следующим образом: «прекратите стрелять, начинайте говорить» [18, с. 23].

Сирия отвергла названный план, так как о ней там не упоминалось. Против принятия «плана Роджерса» выступал лидер Организации освобождения Палестины (ООП) – Я. Арафат: «Мы не беженцы, а народ, лишенный национальной значимости после тысячелетнего существования на этой земле. Сейчас нас превратили в людей без родины, без достоинства, без будущего. Мы боремся за основные права всех народов» [8, с. 109]. НФОП и некоторые другие организации открыто критиковали согласие Насера с этим планом, в отличие от ФАТХ, критиковавшего само содержание американского плана. Различное отношение к «плану Роджерса» со стороны ФАТХ и проегипетских палестинских организаций, привело к резкому обострению отношений между этими организациями в рамках ПДС. Это обострение привело и к вооруженным столкновениям ФАТХ с Организацией действий по освобождению Палестины и Арабской палестинской организацией, выступавших в поддержку действий Египта в отношении «плана Роджерса».

Принят же был план Египтом, Иорданией и Израилем. С 7 августа 1970 г. Израиль и Египет начинали соблюдать прекращение огня. Но принятие этого плана негативно отразилось на внутреннем положении сторон. В Израиле принятие «плана Роджерса» привело к краху правительства национального единства. Для Г. Насера принятие плана вылилось в трения между ним и ООП. Со своей стороны, король Хусейн воспользовался обострением египетско-палестинских отношений, чтобы решить свои внутренние проблемы, устранив исходившую от ООП угрозу его режиму. Значительно увеличив число сторонников, Палестинское движение сопротивления постепенно стало представлять большую опасность для режима короля и фактически поставило под вопрос его власть в стране [14, с. 216]. Соглашение о прекращении огня между сторонами вступило в силу в полночь 8 августа 1970 г. Это соглашение знаменовало собой реальное, а не формальное окончание Шестидневной войны [17, с. 82].

После военных событий июня 1967 года Иордания оказалась перед рядом проблем как во внешней, так и во внутренней политике, которые заставляли ее вести более сбалансированный внешнеполитический курс. В сложной внутри- и внешнеполитической обстановке, в условиях «тихой дипломатии», проводимой США в регионе после шестидневной войны, Иордания избирает путь политического урегулирования конфликта, что противоречит положениям Хартумского заявления.

Таким образом, проблемы, возникшие у Иордании после войны 1967 г. (экономический кризис, проблема беженцев и т.д. – *С.Щ., М.К., Е.К.*), заставили руководство страны реалистически взглянуть на способности арабов решить ближневосточную проблему силовым путем и более решительно заявить о своей приверженности политическим методам урегулирования конфликта. Иорданская сторона приняла активное участие в разработке положений резолюции № 242, поддержала формулу «мир в обмен на землю», провозглашенную в ней и принимала «план Роджерса». Поворот от конфронтации, имеющей военное измерение, к переговорам по решению

Ближневосточного конфликта усугубил отношения короля Хусейна с палестинскими организациями на своей территории и привел к гражданской напряженности в государстве.

Список использованных источников

1. Аганин А. Р., Соловьева З. А. Современная Иордания. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. 426 с.
2. Аль-васа'ик аль-филастинийа аль-арабийя 1970. Байрут: Му'ассасат ад-дирасат аль-филастинийа, 1972. 842 с. (Палестинские арабские документы 1970. Бейрут: Институт палестинских исследований, 1972. 842 с. – Пер. с арабского)
3. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. 384 с.
4. Государство Израиль. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 560 с.
5. Даян М. Жить с Библией. Jerusalem: 1990. 239 с.
6. Джабер З. Д. Эволюция позиции арабских стран по ближневосточному урегулированию (Палестинская проблема в резолюциях Совещания глав арабских государств, 1964 – 1985 гг.): Дисс... кандид. ист. наук: 07.00.05. М., 1992. 197 с.
7. Звягельская И. Д., Носенко В. И. Истоки арабского национально-освободительного движения в Палестине // Народы Азии и Африки. 1986. № 3. С. 63 – 71.
8. Концельман Г. Ясир Арафат. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 478 с.
9. Корнилов А. А. Меч и плуг Давида Бен-Гуриона. Н.Новгород: ННГУ, 1996. 218 с.
10. Ланда Р. Г. Современный этап борьбы Палестинского движения сопротивления (1971 – 1976) // Народы Азии и Африки. 1976. № 5. С. 15 – 29.
11. Навайсех М.Х.Х. Иордано-израильский мирный процесс, 1991 – 1994 гг.: Дисс... кандид. полит. наук: 07.00.15. М., 1998. 222 с.
12. Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М.: РОССПЭН, 2002. 512 с.
13. Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г. // Палестинская проблема. – Документы ООН, международных организаций и конференций. М.: Прогресс, 1984. С. 157 – 158.
14. Ростоу Ю. Что кроется за арабо-израильским конфликтом // Борьба за наши права. Тель-Авив, 1992. С. 216 – 218.
15. Федорченко А. В. Реформа хозяйственного механизма в Израиле // Российские реформы и зарубежный опыт хозяйственных преобразований. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 61 – 77.
16. Черчилль Р., Черчилль У. Шестидневная война. Иерусалим: Алия, 1990. Вып. 17. 247 с.
17. Эпштейн А. Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатии. М.: Институт Изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. 230 с.
18. Sayigh Y. Armed struggle and the search of state. Oxford: Clarendon Press, 1997. 107 p.
19. Yari E. Al – Fath`s Political Thinking // New outbook. 1968. № 11 (3). P. 24 – 27.

***

Косов А.

ГОСУДАРСТВА ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БЕЛОРУССИИ: ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА

На фоне периодических обострений во взаимоотношениях Беларуси с Западом установление и развитие партнерских контактов с различными государствами арабского мира является для республики весьма значимыми. Поиск новых партнеров на мировой арене – это реализация, озвученной президентом страны, программы диверсификации внешнеэкономических связей Беларуси, играющих сегодня ведущую роль во внешнеполитической стратегии Беларуси.

В развитии белорусско-арабских отношений выделяют несколько этапов: 1991 – 1995 гг. – налаживание контактов и отсутствие особых приоритетов в регионе; 1995 – 2003 гг. – попытки активизации сотрудничества; 2003 – 2010 гг. – оптимизация существующих связей со странами региона; 2010 – 2013 гг. – смещение приоритетов в направлении состоятельных консервативных монархических режимов Персидского залива [3].

Поэтому представляется оправданным рассмотреть успехи и неудачи развития арабского вектора внешней политики Республики Беларусь в регионе Персидского залива (ОАЭ, Катар, Бахрейн, Оман, Кувейт, Саудовская Аравия), который в традиционном сознании жителей постсоветского пространства воспринимается, как место где сбылись все заветные желания жителей некогда отсталых феодальных стран, построивших за счет нефтяных денег технологический рай и общество всеобщего процветания и богатства [6, с. 98].

Следует отметить, что на первых этапах развития белорусско-арабских отношений внешнеполитический курс республики в отношении региона Персидского залива не был четко мотивирован. В первую очередь, это объяснялось его географической удаленностью от Беларуси, а также относительной слабостью молодой белорусской дипломатии, которая в первой половине 1990-х гг. ориентировалась на своих ближайших соседей и великие державы. В силу того, что Республика Беларусь – небольшое по мировым меркам государство, без великодержавных амбиций, она не преследовала глобальных или региональных интересов.

В 1990-е гг. у Минска еще отсутствовала и серьезная экономическая мотивация присутствия в регионе – в тот период республика была целиком и полностью ориентирована на Россию. В то время основная задача белорусской дипломатии первой половины 1990-х гг. заключалась в получении признания страны на международной арене. Уже 25 мая 1992 г. были установлены дипломатические отношения с Кувейтом, 23 июля 1992 г. – с Оманом, а 20 октября 1992 г. – с ОАЭ [7].

Следует отметить, что в 1990-е гг. Минск начал сотрудничество с персидскими монархиями «с чистого листа», не имея «старых советских площадок». В отличие от Египта, Сирии или Алжира монархии Персидского залива раньше никогда не входили в сферу советского влияния. Тем не менее, уже в начале 1990-х гг. имели место политические контакты сторон. Так, 17 февраля 1992 г. состоялся визит в Минск министра финансов Кувейта Насера ар-Радана, а 24 – 25 мая 1992 г. премьер-министра В. Кебича – в Кувейт и 10 – 11 мая 1993 г. – в ОАЭ. Уже в 1994 г. в Абу-Даби открылось генконсульство Беларуси [3]. 16 января 1996 г. дипломатические отношения были установлены с Катаром, а 1 июля 1996 г. – с Бахрейном. Процесс установления дипломатических отношений Беларуси с персидскими монархиями завершился 6 июня 1997 г., когда были установлены дипотношения с Саудовской Аравией (КСА) [5, с. 33].

В итоге, постепенно между Беларусью и государствами Персидского залива был достигнут определенный уровень политических связей и начато, пусть и не в

значительном объеме, торгово-экономическое сотрудничество. Весомый вклад в их становление внес президент А. Лукашенко, посетивший с официальными визитами все персидские монархии, за исключением Саудовской Аравии. Так, за прошедший период глава белорусского государства трижды посетил ОАЭ (март 2000 г., март 2007 г., март 2013 г.), дважды – Катар (февраль 2001 г., август 2011 г.), Бахрейн и Кувейт (октябрь 2002 г.), Оман (март 2007 г.), придав тем самым импульс развитию двусторонних отношений. По словам А. Лукашенко, личные контакты на Востоке имеют ключевое значение для успешного сотрудничества [1]. Говоря о личностном факторе в развитии арабского вектора внешней политики Беларуси, следует отметить, что наряду с вкладом президента страны, весомый вклад внесли и другие высокопоставленные чиновники, которые по определенным причинам были склонны лично способствовать развитию восточной внешней политики – министр иностранных дел в 1997 – 1998 гг. И. Антонович, а также министр иностранных дел в 1998 – 2000 гг., госсекретарь Совета безопасности в 2000 – 2001 гг. и глава президентской администрации в 2001 – 2004 гг. У. Латыпов [3].

Сопутствующим фактором сближения Беларуси со странами Персидского залива стало одинаковое видение сторонами решения многих проблем мирового развития. Так, их позиции совпадают по ключевым вопросам международной повестки дня, рассматриваемых в рамках ООН, в том числе в плане урегулирования сложных региональных конфликтов. Республика Беларусь и персидские монархии выступают за сбалансированный подход к реформе Совета Безопасности ООН, направленный на укрепление потенциала ООН в решении вызовов и угроз современного мира [7]. Схожесть интересов и реализуемых задач социально-экономического развития также подтолкнуло Республику Беларусь к активизации всестороннего сотрудничества с государствами региона.

Одним из весомых факторов, содействующих сближению, стала позиция невмешательства государств этого региона во внутреннюю политику Беларуси. Персидские монархии не поддерживают принятие иницилируемых рядом западных стран резолюций о нарушениях в области прав человека, что не может не импонировать белорусским властям [2]. Можно полностью согласиться с белорусской исследовательницей Т.В. Евсейчик в том, что, по мнению белорусского руководства, «сотрудничество с арабскими странами должно было содействовать преодолению международной изоляции Беларуси, усилению позиций республики в международных организациях и на международных форумах, развитию торговых связей и кредитно-инвестиционного сотрудничества» [5, с. 33].

Важным событием в процессе развития белорусско-арабских отношений стал визит послов ряда ближневосточных стран в Республику Беларусь в феврале 1999 г. В 1999 – 2002 гг. в Беларуси были аккредитованы послы ОАЭ, Катара, Кувейта и Саудовской Аравии. В ходе встреч на высшем уровне белорусское руководство подтвердило заинтересованность страны в сотрудничестве с арабским миром [5, с. 33 – 34]. В итоге в 2000-е гг. связи Беларуси с ОАЭ, Катаром, Кувейтом, Оманом и Бахрейном существенно активизировались. При этом в качестве стратегического партнера республики в данном регионе были выбраны ОАЭ. В этом плане показательными стали слова А. Лукашенко на встрече в Минске с председателем исполнительного аппарата правительства эмирата Абу-Даби осенью 2007 г.: «Мы твердо определили своего стратегического союзника и партнера в регионе Персидского залива – это Объединенные Арабские Эмираты, и мы очень заинтересованы в нашем присутствии в этой части планеты» [8]. Исключением стала Саудовская Аравия. Несмотря на периодические визиты в КСА белорусских дипломатов и подписанное в 2003 г. Генеральное соглашение о сотрудничестве с этой страной, отношения с ней остаются минимальными во всех сферах [3].

Успешное развитие политического диалога на высшем уровне позволило сторонам заложить основу и приступить к наполнению договорно-правовой базы сотрудничества Беларуси с государствами Персидского залива. Ее создание позволило активизировать

процесс двустороннего взаимодействия и дало надежду на дальнейший успех в этом направлении. Не секрет, что персидские монархии с их значительным финансово-экономическим потенциалом представляются белорусской стороне довольно перспективным экономическим партнером.

На сегодняшний день основу договорно-правовой базы сотрудничества составляют межправительственные соглашения о торгово-экономическом, инвестиционном, научно-техническом и военно-техническом сотрудничестве, о воздушном сообщении, о сотрудничестве в области СМИ, об избежании двойного налогообложения и т.д. [7].

Для Беларуси регион Персидского залива, являющийся одним из важнейших источников энергоресурсов в мире, представляет огромный интерес не только в качестве поставщика, но и потребителя широкого спектра товаров и услуг. По мере развития белорусско-арабских отношений произошло расширение торгово-экономического сотрудничества со странами Залива, что привело к росту товарооборота с 3 млн долл. в 1996 г. до 34 млн долл. в 2006 г. [5, с. 34]. Правда, это незначительные цифры с учетом имеющегося потенциала сторон.

В 2007 г. поставки белорусской продукции в Оман, Кувейт, Катар практически не осуществлялись. Эпизодически в регион Залива экспортировалось стекловолокно, сухое молоко, нефтепродукты, полуфабрикаты из углеродистой стали, шины, автомобили МАЗ, тракторы, устройства на жидких кристаллах. Основной же статьей белорусского экспорта в эти государства являются товары военного или двойного назначения [1]. Поэтому после визита президента А. Лукашенко в регион Персидского залива в марте 2008 г. было заявлено о необходимости активизировать торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество с персидскими монархиями. По мнению белорусской стороны, перспективными являются поставки продукции «Белшины», БМЗ, а также продовольственных товаров [1]. В результате были предприняты определенные попытки увеличить объемы белорусского экспорта в страны региона. Однако его уровень по-прежнему остается невысоким. К тому же товарооборот Беларуси с персидскими монархиями не имеет стабильной динамики

Сотрудничество в кредитно-инвестиционной сфере также оставляет желать лучшего. На сегодняшний день у Беларуси более-менее налажено взаимодействие с такими ведущими инвесторами из стран Залива, как эмиратский Фонд развития Абу-Даби (ФРАД), Кувейтский фонд арабского экономического развития (КФАЭР). Сторонами прорабатываются и предпринимаются попытки, но пока не слишком успешные, реализовать совместные инвестиционные проекты в области строительства, создания новых производств, сельского хозяйства и др. [2].

Со второй половины 2000-х гг. заметной частью отношений Беларуси с арабскими монархиями стало военно-техническое сотрудничество. Как известно, сегодня страны Персидского залива довольно активно проявляют себя в качестве покупателей на рынке вооружений. В 2007 г. о перспективах в этом направлении заявлял белорусский посол в ОАЭ В. Сулимский: «Наиболее перспективно для Беларуси – расширять экспорт в ОАЭ высокотехнологичных товаров, в первую очередь военно-технических» [3]. Именно военные поставки заняли значительное место в небольших поставках белорусской продукции в эти страны. На определенном этапе это даже вызвало недовольство руководства Беларуси. Президент А. Лукашенко выразил недовольство слабыми результатами работы белорусских дипломатов по продвижению гражданской продукции в регионе и отсутствием озвученных ранее инвестиционных проектов [4].

Существующие трудности в различных сферах сотрудничества Беларуси и монархий Персидского залива во многом объясняются отсутствием действенных механизмов реализации декларируемых проектов, несмотря на имеющуюся договорно-правовую базу. Дело в том, что за прошедший период в белорусско-арабских отношениях «имело место довольно много высокопоставленных визитов – попыток начать сотрудничество через политическую волю – но недостаточно визитов низшего и среднего

уровня, на котором собственно и может быть дано начало конкретным проектам» [3]. Кроме того, на сегодняшний день у арабских инвесторов все-таки отсутствует достаточная мотивация инвестирования в Республику Беларусь, что является значительной проблемой развития двусторонних отношений. Хотя именно торгово-экономическим и финансовым связям белорусским руководством отдается приоритет во внешней политике.

Таким образом, отношения с арабскими странами Персидского залива занимают заметное место в белорусской внешней политике и отличаются хоть и противоречивой, но преимущественно положительной динамикой. В 2000-е гг. руководство Беларуси попыталось активизировать двусторонние отношения с государствами региона. Если посмотреть на результаты последнего десятилетия, то можно увидеть значительный прогресс в сравнении с предшествующим периодом. Хотя на сегодняшний день в силу ряда причин взаимоотношения Беларуси с государствами региона носят больше декларативный характер. Торгово-экономическое и финансово-инвестиционное взаимодействие сторон, несмотря на их приоритетность в современной внешнеполитической стратегии Республики Беларусь, не соответствует уровню политического сотрудничества страны с большинством монархий Персидского залива. Тем не менее, потенциал и надежды на всестороннее взаимодействие Беларуси с персидскими монархиями у белорусского руководства по-прежнему сохраняются.

Список использованных источников

1. Беларусь должна активизировать сотрудничество со странами Персидского залива – А. Лукашенко // Интерфакс – Запад [Электронный ресурс]. – 27.03.2008. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/38474>. – Дата доступа: 4.02.2014.
2. Беларусь и страны Азии и Африки // Сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.by/bilateral/asia_africa/. – Дата доступа: 5.02.2014.
3. Богдан, С. «Мы очень заинтересованы в нашем присутствии в этой части планеты...». Ситуационный анализ отношения Беларуси с арабскими странами в 1992 – 2012 гг. / С. Богдан // Белорусский институт стратегических исследований [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_SA_01_2013ru.Pdf. – Дата доступа: 5.02.2014.
4. Визиты на высшем уровне должны приносить стране конкретные результаты // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 27.03.2008. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press58984.htmtdoc>. – Дата доступа: 5.02.2014.
5. Евсейчик, Т.В. Монархии Персидского залива во внешнеполитическом курсе Республики Беларусь / Т.В. Евсейчик // Беларусь в современном мире: материалы VII Международной конференции, посвященной 87-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2008 г. / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Тесей, 2008. – С. 33 – 34.
6. Лузянин, С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004 – 2008 гг.) / С.Г. Лузянин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 447 с.
7. Посольство Республики Беларусь в Объединенных Арабских Эмиратах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uae.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/UAE/. – Дата доступа: 5.02.2014.
8. Федоров, А. Беларусь и страны Персидского залива: затянувшееся ожидание прорыв / А. Федоров // Naviny.by [Электронный ресурс]. – 31.03.2013. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2013/03/31/ic_articles_112_181296/. – Дата доступа: 4.02.2014.

Тлеппаев А.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СТРУКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Долгосрочным приоритетом для Республики Казахстан является «Общество благоденствия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда» [1]. Энергетика является основным фактором, влияющим на внутреннюю и внешнюю стратегию развития каждого государства, ее экономическую безопасность [2, с.101]. Признание важности энергии как одного из видов ресурсов, который требует такого же менеджмента как любой другой дорогостоящий ресурс, а не как накладных расходов предприятия, является главным первым шагом к улучшению энергоэффективности и снижению энергозатрат.

При этом необходимо учитывать, что основным потребителем электроэнергии (до 70 %) и тепловой энергии (до 50 %) является промышленность, а на долю населения приходится не более 25 % электроэнергии и 30 % тепловой.

По прогнозу Института энергетических исследований Российской Академии Наук (ИНЭИ РАН), потребление электроэнергии и тепла в мире с 2010 по 2035 г.г. будет расти за счет роста потребностей индустрии (промышленности) и населения (ЖКХ) [3].

При сохранении старой базы промышленности и низких темпах её модернизации без внедрения энергосберегающих и энергоэффективных технологий, дальнейшее развитие производственных мощностей энергетики Казахстана, запланированных в программах и планах правительства, будет использовано только на удовлетворение потребностей промышленности без снижения показателя энергоэффективности. Это приведет к снижению конкурентоспособности, снижению качества продукции и сохранению статуса «сырьевого» придатка развитых стран мира.

Самым эффективным решением сокращения природных ресурсов, является практика энергосбережения и внедрения энергоэффективных технологий. Повышение энергоэффективности является весьма актуальной задачей для экономики Казахстана. Удельные показатели энергоемкости ВВП в Казахстане по данным МЭА остаются весьма высокими (1,8 USD/кг.у.т) по сравнению с развитыми странами (5,5 USD/кг.у.т). За период реформирования экономики с 1991 по 2001 г.г. энергоемкость ВВП еще повысилась на 15 - 20%, что негативно сказалось как на экономике в целом, так и на конечных потребителях. За период 2001-2012 энергоемкость ВВП немного снизилась, но все ещё превышает среднемировой тренд в 5 раз.

Создание более совершенной нормативно-правовой базы энергосбережения является одним из главных механизмов повышения энергоэффективности. В настоящее время в Казахстане имеется несколько десятков государственных стандартов на промышленное оборудование, машины, приборы, которые можно отнести к стандартам энергетической эффективности. Разработан ряд нормативных документов по энергетическим обследованиям и энергетической паспортизации, в которых нашли отражение показатели энергетической эффективности.

Национальные стандарты должны стать важнейшим инструментом повышения конкурентоспособности отечественной экономики и ее инвестиционной привлекательности. Гармонизация национальных стандартов с международными, их внедрение в производство - прямой путь для выхода казахстанских товаропроизводителей на мировые рынки.

Говоря о потенциале энергосбережения в странах СНГ, стоит отметить, что сегодня в ряде предприятий уже применяются элементы энергоменеджмента, например, разрабатываются и реализуются программы, планы и проекты энергосбережения, осуществляются закупки более энергоэффективного оборудования, анализируются

возможности для улучшения энергоэффективности отдельных производств и/или процессов. В качестве одной из целей государственного регулирования определено внедрение международного стандарта энергоменеджмента ISO 50001.

Стандарт основан на общих элементах, используемых во всех стандартах систем менеджмента ISO, что обеспечивает высокий уровень совместимости с другими системами менеджмента. Цель стандарта заключается в предоставлении компаниям структурированного и всеобъемлющего руководства по оптимизации процесса потребления энергетических ресурсов и системному управлению данным процессом.

Цель внедрения стандарта ИСО 50001:2011 заключается в том, чтобы обеспечить компании структурированным и всеобъемлющим руководством по оптимизации процесса потребления энергетических ресурсов и системным управлением данным процессом.

Стандарт ИСО 50001:2011 – это Система энергоменеджмента являющаяся фундаментальной базой для создания эффективного и современного энергетического менеджмента на промышленных, торговых, и других предприятиях и организациях.

Предприятия, внедрившие систему энергоменеджмента по стандарту ISO 50001, получили объективную возможность сократить издержки на потребление энергетических ресурсов и снизить выбросы углекислого газа в окружающую среду, а так же даем огромное количество преимуществ пользователям.

В целях повышения запасов энергии и сокращения выбросов углекислого газа CO₂ следует обратить внимание на опыт Европейского Союза (ЕС). Хотя некоторые страны-члены ЕС (такие как Бельгия, Нидерланды, и Германия) уже добились значительных успехов на пути к достижению высоких стандартов энергоэффективности, другие страны (такие как Польша, Испания, и Чешская Республика) столкнулись с большими проблемами в достижении этих показателей.

Германия уже давно является мировым лидером в развитии стандартов и норм энергоэффективности на национальном уровне (“Progress with Implementing Energy Efficiency Policies,” OECD/IEA, 2009). Германия также разработала и реализует инновационную систему финансирования энергоэффективности, которая оказалась успешной не только в Германии, но и в других странах-членах ЕС [3].

На основе федерального закона Германии об энергосбережении (Energieeinsparungsgesetz) в 2002 году правительством страны было разработано Постановление об Энергосбережении (Energieeinsparverordnung), где были представлены подробные требования относительно показателей расходуемой энергии в строящихся и существующих зданиях (Постановление об Энергосбережении в последующем было обновлено в 2004, 2007 и 2009 годах - Schettler-Köhler, 2008; Schettler-Köhler & Kunkel, 2010).

На сегодняшний день в Германии используется целостный метод подсчета энергии, который подробно расписан в стандарте DIN V 18599. Стандарт DIN V 18599 представляет собой единый метод подсчета энергии, необходимой для отопления и охлаждения здания, а также его нормального функционирования. Данный стандарт оценивает энергоэффективность систем освещения и отопления, вентиляции, охлаждения и горячего водоснабжения [4].

Немецкий опыт в сфере реализации высоких стандартов энергоэффективности оказался весьма успешным и даже стал моделью для подражания для стран-участниц ЕС.

В настоящее время, в Казахстане реализуются различные государственные программы по улучшению энергосбережения и энергоэффективности страны. Такие программы направлены на ускоренное развитие энергосбережения и повышения энергоэффективности в различных секторах экономики. Основная задача программ заключается в оптимизации потерь энергии в существующих системах теплоснабжения и горячего водоснабжения, а также снижения энергопотребления и сокращения неэффективного использования топливно-энергетических ресурсов. Внедрение систем энергоменеджмента в соответствии с требованиями международного стандарта, является

одной из наиболее эффективных мер по реализации энергосбережения и энергоэффективности в Республике Казахстан.

Считаем, что для Республики Казахстан необходимо принять Национальный Стандарт в области энергоэффективности. Национальный Стандарт энергоэффективности необходим, чтобы установить для организаций общепризнанную схему интеграции энергосбережения в их практики управления. Стандарт предназначен для достижения следующих целей:

- помочь организациям более полно использовать их существующие энергопотребляющие активы;
- создать прозрачность и способствовать коммуникации по вопросам менеджмента энергоресурсов
- продвигать лучшие практики энергетического менеджмента и укрепить надлежащие практики энергетического менеджмента;
- поддерживать потенциал оценки и определения приоритетов внедрения новых энергосберегающих технологий;
- обеспечить схему продвижения рационального использования энергии по всей цепи поставок;
- способствовать улучшению энергетического менеджмента для реализации проектов снижения выбросов парниковых газов;
- позволить осуществление интеграции с другими организационными системами менеджмента, такими, как экологический менеджмент, профессиональная безопасность и охрана труда.

Таким образом, Национальный Стандарт энергоэффективности для Республики Казахстан поможет организациям разработать стратегию, позволяющую повысить эффективность использования энергии, снизить издержки, и улучшить экологическую составляющую деятельности.

Переход к устойчивому развитию и «зеленой» экономике делает необходимым включение экологического фактора в систему основных социально-экономических показателей развития. Имеющиеся сейчас в этой сфере традиционные макроэкономические показатели (ВВП, ВНД, доход на душу населения и пр.) игнорируют экологическую деградацию. Для многих стран мира ориентация на традиционные экономические показатели в ближайшей перспективе может иметь самые негативные последствия. Быстрее всего роста этих показателей (тем самым формально добиться прогресса в социально-экономическом развитии) можно добиться, быстро выкачав из недр нефть, газ, добывая руду и уголь поверхностным способом, вырубив леса, увеличивая нагрузку на землю, используя "грязные" технологии. Многие энергетические программы, увеличение добычи полезных ископаемых и пр. позволяют увеличить ВВП. Однако очевидны и чрезвычайно негативные экологические последствия такого курса.

Необходимость новых подходов к оценке прогресса, связанных с устойчивостью, подчеркивают и два лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц и А. Сен в своем Докладе «Об измерении экономического развития и социального прогресса» [5]. Для мониторинга процесса перехода к устойчивому развитию и «зеленой» экономике в мире и отдельных странах необходимо разработать свою систему индикаторов. Считаем, что необходимо оценить возможности и перспективы развития «зеленой» экономики по следующим направлениям: развитие возобновляемых источников энергии; «озеленение» сектора ЖКХ (отопление и освещение зданий); развитие «чистого» транспорта (общественный транспорт, альтернативное топливо); совершенствование управления водными ресурсами; совершенствование управления земельными ресурсами и «озеленение» сельского хозяйства; совершенствование управления отходами.

Список литературы

1. Послание Президента Республики Казахстан –Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан -2050»: новый политический курс состоявшегося государства» от 14.12.2012
2. Дуламбаева Р.Т. Энергетический сектор РК: инновационный тренд развития. Монография. Динамическое равновесие и инновационные процессы в Казахстане \ под общей ред. Б.М. Мухамедиева.- Алматы: Қазақ университеті, 2014.- 209 с.
3. Эйхаммер В. Общий обзор европейского и мирового опыта разработки и реализации политики энергосбережения и энергоэффективности в промышленности. Семинар ЮНИДО Государственная политика повышения энергоэффективности промышленности. - Москва, 2013 г. - 300 с.
4. Thollander P., Palm J. Improving energy efficiency in industrial energy systems - an interdisciplinary perspective on barriers, energy audits, energy management, policies and programs. – Springer, 2012. - 450 p.
5. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. The measurement of economic performance and social progress revisited // OFCE. – 2009. - № 2009-33. – P. 3-150

***

Корниловский А.

ГЕРМАНСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ИРАНСКИЙ КУРДИСТАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На протяжении многих столетий Ближний Восток играл огромную роль в истории человечества. Исключительно велико значение этого региона и в наше время. Прежде всего, это связано с расположением здесь значительной части мировых запасов энергоресурсов, вокруг добычи и транспортировки которых в последнее время развернулась ожесточённая борьба. С другой стороны, фактором, который придаёт особую значимость Ближнему Востоку в современном мире, является очередное обострение внешнеполитической обстановки, проблем и конфликтов в этой части земного шара. В этой связи изучение истоков подобных противоречий, возникнувших на этой территории в прошлом, может, на наш взгляд, облегчить процесс решения многих ближневосточных проблем в настоящем.

Различные аспекты истории международных отношений на Ближнем Востоке получили широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии. Однако ряд тем, как, например, политика германского правительства по отношению к иранским курдам накануне Первой мировой войны остаются малоизученными и требуют новых всесторонних научных исследований. Данная работа представляет собой своеобразную попытку заполнить имеющиеся пробелы.

Курдский ареал Ирана, условно именуемый Иранским или Восточным Курдистаном, в рассматриваемый период включал в себя пять провинций на северо-западе страны: Тавризское, Урмийское, Керманшахское, Соуджбулакское губернаторства и Макинское ханство. Выгодное географическое положение этой области, расположенной на стыке границ Малой Азии, арабского мира и Закавказья, издревле привлекало к ней пристальное внимание великих держав.

До начала XX в. Иранский Курдистан был объектом острого соперничества Российской и Британской империй. По совместной англо-российской конвенции 1907 г. о разделе сфер влияния на Востоке он отошёл в зону непосредственного контроля царской России [7, с. 333–334]. Тем не менее, взаимное противостояние двух крупнейших колониальных империй в этом регионе продолжалось, чем не преминула воспользоваться окрепшая Германия.

В 1871 г. благодаря военным усилиям прусской монархии был завершён процесс создания единого немецкого государства. Это явилось событием всемирно-исторического значения, влияния которого на международные отношения той эпохи сказалось незамедлительно.

На рубеже XIX–XX вв. объединённая Германия встала на путь колониальных захватов. С 1880-х годов приобретение колоний являлось одной из важнейших задач германской дипломатии. В захватнических устремлениях немецкого империализма приоритетное место отводилось Ближнему Востоку. По замыслам вдохновителей германской внешней политики установление в этом районе экономического и политического преобладания Германии должно было обеспечить ей создание прочных позиций на подступах к Кавказу и Индии.

В качестве опорного пункта, откуда можно было бы начать распространение своего влияния на весь ближневосточный регион, кайзеровское правительство избрало Иран. Выбор этот был обусловлен не только стратегическими, но и другими весьма немаловажными факторами. Германские правящие круги, используя методы экономического внедрения и политического лавирования, намеревались завоевать себе позиции «третьей силы» в этой стране [5, с. 168].

Начало активному проникновению Германии в Иран было положено в 1905 г. При этом особую роль в своей «персидской политике» немцы отводили многочисленным инациональным группам и кочевым племенам, которые обитали в различных областях Ирана, и в первую очередь курдам. Германское руководство в полной мере оценило важность и значение курдистанского плацдарма в планировавшемся захвате русских владений в Закавказье и британских колоний в Азии. В своей вербовочной и пропагандистской работе среди иранских курдов немецкая агентура опиралась на два главных столпа германского влияния: торгово-экономическую и миссионерскую деятельность.

С начала 1907 г. наблюдается общий подъем экономического проникновения Германии в Иран. Перед немецкими компаниями была поставлена конкретная цель – ликвидировать монопольное положение русской торговли в этом крае. С этой целью в октябре 1907 г. в Западный Иран со специальной миссией был направлен торговый атташе германского посольства в Турции К. Юнг. Он должен был изучать местные рынки и по возможности определить те места, в которых следовало бы открыть немецкие торговые и консульские учреждения. Исключительно большое внимание К. Юнг уделял сопредельному с Россией Восточному Курдистану и, прежде всего, Тавризу, который он рассматривал «как важный центр мануфактуры» [5, с. 135].

В марте 1909 г. на пост внештатного консульского агента в Тавризе был назначен В. Шюнеман. Незадолго до своего назначения он основал в этом городе коммерческое общество «Аслан», затем фирму «Моссинг унд Шюнеман», занимавшуюся посреднической торговлей, а также ремонтными и строительными работами различной сложности [8, с. 233–234, 236, 242]. В Тавризе Шюнеман установил тесные связи с богатым персидским купцом Рахим-ага Казвини, от которого он получил подряд на строительство текстильной фабрики и некоторых других более мелких предприятий. В сентябре 1909 г. фирма Шюнемана стала оказывать услуги по транспортировке и страхованию грузов в Северной Персии [3, с. 226–227].

Осенью 1909 г. В. Шюнеман, пользуясь расположением тавризского губернатора Мохбера ос-Салтане, попытался получить концессию на судоходство по Урмийскому озеру, находившегося всего в ста километрах от кавказской границы Российской империи, но из-за противодействия царского правительства и русской миссии в Тегеране он был вынужден отказаться от своих планов [3, с. 227].

В начале 1910 г. германский империализм усилил своё проникновение в Иран, в том числе и в его курдские провинции. В марте 1910 г. немецкое правительство выступило с заявлением о предоставлении своей стране в Персии таких же прав, какими обладали там Россия и Великобритания [4, с. 96]. В последние предвоенные годы немцы значительно увеличили ввоз своих товаров в Восточный Курдистан и впервые за всю историю своей экономической деятельности в Иране рискнули открыть там собственное промышленное предприятие.

В 1912 г. в Берлине была основана компания по импорту персидских ковров «Петач», которая имела свои филиалы во всех крупных городах Северо-Западного Ирана. «Петач» не ограничился только скупкой ковров для их продажи в европейских странах, но и наладил своё собственное ковровое производство, вложив в него несколько миллионов марок [5, с. 181]. В Тавризе компания построила шерстоткацкую фабрику и стала монополизировать производство и сбыт наиболее ценных ковровых изделий Ирана. По сведениям российского генерального консула в Тавризе А.А. Орлова немецкая ковровая фабрика довольно быстро превратилась в одно из крупнейших промышленных предприятий Курдистана [6, т. 4, с. 231].

В непосредственной связи с работой ковровой фабрики немцы в 1914 г. предприняли попытку организовать добычу каменного угля в Западном Иране. Поскольку компания испытывала острую нехватку топлива В. Шюнеман, действуя в качестве представителя фирмы «Петач», решил наладить на средства компании добычу каменного

угля в Тавризском округе. Однако направленные туда рабочие нашли каменноугольные участки уже занятыми. Они входили в полосу отчуждения русского общества Джульфа-Тавризской железной дороги, получившего на основании концессионного договора 1913 г. право на разработку угольных копий и нефтеносных месторождений на расстоянии 60 вёрст по обе стороны от дороги. Более того, здесь уже начал добычу угля русский концессионер-предприниматель Переяслов [6, т. 1, с. 214–215].

Возник инцидент. Как докладывало российское консульство, рабочие Переяслова были изгнаны нанятыми Шюнеман людьми [6, т. 1, примеч. 2, с. 174]. Последовало вмешательство русского посольства в Тегеране, при посредничестве которого В. Шюнеман вступил в Переговоры с Переясловым о покупке у последнего угля, когда добыча его будет налажена в полном объёме [6, т. 1, примеч. 3, с. 249]. Конфликт, таким образом, был улажен. Однако снабжение русскими углём немецкой ковровой фабрики стало несомненным успехом германской политики в Иранском Курдистане, так как оно, по словам А.А. Орлова, было воспринято местным населением как капитуляция России перед немцами [6, т. 3, с. 231].

В дальнейших донесениях российского генерального консульства в Тавризе прямо указывалось на угрозу «германского засилья» в Тавризском округе. По сведениям, которые консульства считало достоверными, немецкие предприятия в Тавризе стали получать секретные дотации от своего правительства: общество ковровой фабрики – 10 тыс. фунтов стерлингов, ниточная фабрика, паровая и столярная мастерские по 2 тыс. фунтов стерлингов в год [5, с. 182–183].

Не ослабевал интерес немцев и к Урмийскому району. В 1914 г. они при посредничестве турок предприняли новую попытку получить концессию на судоходство по Урмийскому озеру. В январе В. Шюнеман установил тесные связи с фактическим владельцем озера принцем Имам-кули, рекомендовав ему «передать свои права на озеро подставным лицам, турецкоподданным, и, таким образом, стать под защиту турецкого правительства...». Получив согласие принца, Шюнеман вступил в секретные переговоры по этому вопросу с турецким консулом в Тавризе. Но к тому времени концессию на осуществление торговых и пассажирских перевозок по Урмийскому озеру получило русское общество Джульфа-Тавризской железной дороги [6, т. 1, примеч. 3, с. 122]. В результате все пути к Урмийскому озеру для немцев оказались прочно заблокированным. Однако германская агентура постаралась найти другие возможности закрепиться в этом районе.

В частности, бурную деятельность здесь развил некий Нейман. Совместно с австрийским инженером Хонекон он основал в городе Урмии «Техническое бюро» с целью завоевания урмийского рынка немецкими и австрийскими товарами [1, л.112]. В феврале 1914 г. они приобрели там большой земельный участок для строительства предприятий: кирпичного завода, мельницы и лесопильни [6, т. 1, с. 393]. Этот шаг Нейман и Хонек предприняли после визита в Урмию Шюнемана и австрийского вице-консула в Тавризе Эртельта. По сведениям русского вице-консула в Урмии П.П. Введенского Шюнеман в этой поездке был снабжён специальной инструкцией от немецкого посольства в Тегеране «взять Урмийский район в сферу своих интересов» с тем, чтобы развивать здесь интенсивную торговую деятельность «подобно Тавризской» [6, т. 1, примеч. 6, с. 392–393].

Для выработки окончательного плана Нейман выехал в Тавриз, где он, по слухам, получил субсидии от немецкого правительства и ковровой фабрики. Общий размер этих сумм оставался неизвестным, но было очевидно, что они предназначались для финансирования урмийского центра германской коммерческой активности [6, т. 1, с. 392]. С организационной стороны деятельность Неймана в Урмийском округе курировал немецкий генеральный консул в Тавризе М. Литтен. Штатный германский консул в скором времени должен был быть назначен и в саму Урмию, что говорило об усилении интереса немецкого руководства к этому району [6, т. 2, с. 155–156].

Крупные промышленные предприятия немцы намеревались также открыть в самом центре Иранского Курдистана – Соуджбулаке. Однако реализации этих планов помешала Первая мировая война [5, с. 182].

Успешное торгово-экономическое проникновение в Северо-Западную Персию немецкая агентура сочетала с разведывательно-пропагандистской работой среди местного населения, имевшую ярко выраженную антироссийскую направленность. Немецкий посланник принц Рейс, военный атташе граф Г. Каниц и другие дипломатические представители Германии развернули в Западном Иране энергичную деятельность. Она была направлена на установление прямых политических контактов с вождями крупнейших курдских племён. Германские агенты снабжали их оружием, боеприпасами, преподносили дорогие подарки и натравливали против России.

Большое внимание немецкие дипломаты в Иране уделяли акциям в области благотворительности, здравоохранения и образования. Накануне мировой войны немцы открыли небольшие приюты, больницы и начальные школы в Тавризе, Урмии и Хое. Эти учреждения должны были играть роль пропагандиста германских достижений [5, с. 191].

Роль проводника германского политического влияния в Иранском Курдистане играли также немецкие протестантские миссии. Весной 1914 г. М. Литтен официально заявил, что берёт под своё покровительство протестантов-ассирийцев Урмийского района «в целях борьбы с русским влиянием» в этом крае [6, т. 3, с. 64].

Германия действовала в Иране не только непосредственно, но и опосредованно, через Турцию. Ещё в 1905 г, поощряемая Берлином Османская империя, воспользовавшись неудачами России в войне с Японией и слабостью шахского правительства, попыталась решить в свою пользу многовековой турецко-иранский пограничный конфликт. В августе 1905 г. после серии провокаций Турция направила свои войска к иранской границе и захватила ряд приграничных персидских областей вокруг Урмийского озера. Пребывание турецких войск на оккупированных территориях Северо-Западного Ирана до конца 1912 г. дало немцам удобный повод для активизации своей разведывательно-пропагандистской деятельности в Иранском Курдистане. Так, например, летом 1912 г. разведывательную поездку по курдским провинциям Ирана совершили два офицера германского Генерального штаба фон Вестарн и Э. Ланге [2, л. 64].

После ухода турецких войск с иранской территории активность германской агентуры в Иранском Курдистане не только не снизилась, а, наоборот, ещё больше выросла. Осенью 1913 г. немецкие разведчики, невзирая на бездорожье и суровые климатические условия продолжали всестороннее изучение различных районов Курдистана. В некоторых местах немецким эмиссарам удалось склонить на свою сторону курдские племена.

Особых успехов германская пропаганда достигла в Макинском ханстве. В январе 1913 г. русские военные власти в Иране были поражены известием о том, что макинский сердар Муртаз Кули-хан, ранее заигрывавший с Россией и просивший у царского правительства винтовки-трёхлинейки, обратился к Германии с просьбой выделить ему инструкторов для «его войска» [5, с. 191]. Из перехваченной русским консульством переписки немецкого консульства в Хое с макинскими феодалами явствовало, что Германия, прежде всего, делала ставку на усиление своих коммерческих связей с Маку. Однако их политическая подоплёка в антироссийской деятельности не вызывала сомнений. Как сообщал 9 мая 1914 г. русский вице-консул в Хое Чирков прогерманские настроения при активном содействии сердара стали быстро распространяться среди курдской верхушки Макинского ханства, а сами курды «крайне интересуются дотоле неизвестной им Германией» [6, т. 2, с. 523].

Таким образом, к середине 1914 г. кайзеровскому правительству удалось добиться существенных успехов в Иранском Курдистане, завоевать здесь прочные экономические и политические позиции и подорвать влияние среди иранских курдов своего главного

конкурента в этом регионе царской России, что впоследствии отразилось на ходе военных действий в Западном Иране во время Первой мировой войны.

Список использованных источников:

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. № 144 «Персидский стол». Оп. 488. Д. 147.
2. АВПРИ. Ф. № 194 «Миссия в Персии». Оп. 528/б. Д. 57.
3. Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911: от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 305 с.
4. Бovyкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX–начало 1917 г. – М.: Учпедгиз, 1960. – 216 с.
5. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. – М.: Наука, 1976. – 221 с.
6. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительств. 1878–1917. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издание, 1931–1938. – Сер. III (1914–1917). Т. 1–10.
7. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Сост. и ред. проф. Ю.В. Ключников и А. Сабанин. – М.: Литиздат НКВД, 1925. – Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. – 444 с.
8. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии с конца 1906 г. по 31 декабря 1911 г. – Спб.: Издательство Министерства иностранных дел, 1911. – Вып. 1.: С конца 1906 г. по 1 ноября 1908 г. – 314 с.

***

Шандра А.

**ОСОБЕННОСТИ «ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА»
В УПРАВЛЕНИИ ПАЛЕСТИНОЙ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ)**

Коалиционное правительство Великобритании совместно с МИД разработало ещё в июне 1920 г. собственный вариант реализации функций страны-мандатария. Согласно данной концепции, британское правительство рассматривало мандатную систему в виде политического эксперимента, призванного утвердить в Палестине специальные механизмы разрешения существующих проблем в отношениях стран-победительниц и проигравших Первую мировую войну государств. При этом принципиальную важность имело признание того факта, что мандатная система никоим образом не соотносится с международными обязательствами, а представляет собой власть одной нации под присмотром международной общественности [2, p.17-18]. Выработка подобной концепции и решения конференции в Сан-Ремо окончательно завершали споры в среде британской политической элиты вокруг вариаций «монополизация влияния/международное управление», но одновременно порождали массу новых дилемм.

Прежде всего, перед британским руководством возникла задача изменения приоритетов в работе органов управления в согласии с принципами мандатного управления. Большинство членов Палаты общин было уверено, что Великобритания обладает колоссальным опытом управления и вполне подготовлена к развитию институтов власти в Палестине [1, p.122]. Такая убежденность опиралась на доклады о благоприятной политической, экономической обстановки в стране, поступающие от сотрудников МИД, находящихся в Лондоне [14], а все возникающие трудности увязывались с последствиями мировой войны. Вообще, «палестинская» тематика, по сравнению с египетской или месопотамской, не имела особого распространения в дебатах Палаты общин и, как правило, поднималась в связи с обострением ситуации в Палестине. Эта закономерность может быть обусловлена минимум двумя причинами. Первая причина заключалась в стремлении представителей подразделений сионистской организации исключить обсуждение проблем палестинской политики в публичных парламентских дискуссиях, напрямую или через лоббистские группы, контактируя с высшими должностными лицами британского правительства, МИД и Министерства по делам колоний. Вторая причина состояла в низкой заинтересованности членов Палаты частным аспектом внешней и колониальной политики. Так, 30 марта 1920 г. на заседании Палаты общин парламентский секретарь МИД С. Гамсвоуз докладывал о произошедших в конце февраля на севере Палестины беспорядках [3, Ser. 1.-Vol.13.-Doc. 212. P. 219]. Прежде всего, он выставил удовлетворительную оценку работе Оккупационной Администрации, а затем вскользь упомянул о мелких стычках в районе селения Метулла. Это сообщение не вызвало бурных обсуждений, а единственный уточняющий вопрос последовал от сотрудника генерального штаба В. Кенуорти, который запросил мнение МИД о возможности пресечь беспорядки в будущем [14]. Со стороны членов Палаты общин не последовало почти никакой реакции на апрельские события 1920 г., хотя именно столкновения в Иерусалиме укрепили их убеждение в передаче власти мандатной администрации во главе с Г. Самуэлом [4, p.43-57]. Американский исследователь Б. Вазерштайн отметил, что выдвижение кандидатуры Г. Самуэла на пост Верховного комиссара объясняется двумя факторами: во-первых, его еврейскими корнями, а во-

вторых, приверженностью либеральным ценностям [5, p.73]. Назначение Г. Самуэла, действительно, может быть обусловлено тесными контактами британских политиков с лидерами подразделений ВСО и прочными позициями либералов в среде правящей элиты.

Назначение Г. Самуэла Верховным комиссаром Палестины вызвало особенный резонанс в британской прессе. В этой связи, нужно отметить, что такой тип исторического источника как пресса имеет свою специфику, и должно всегда восприниматься исследователем со значительной долей скепсиса.

Издание «The Morning Post», курируемое консервативной партией, выступило с критикой в адрес МИД и Министерства по делам колоний, поскольку назначение на пост Верховным комиссаром Палестины Г. Самуэла осложнит ситуацию в стране. Проясняя оппозиционные настроения, авторы публикации сослались на невозможность ортодоксального еврея наладить конструктивный диалог с автохтонным населением Святой Земли [12].

Более снисходительно к назначению Г. Самуэла отнеслась консервативная «The Times», солидаризируясь с Палатой общин в признании способностей формируемой мандатной администрации обеспечить стабильное политическое и экономическое развитие Палестины [15].

Издание либералов «Manchester Guardian» рассматривало назначение Г. Самуэла как вполне ожидаемый ход Правительства Его Величества, так как Великобритания имеет обязательства перед сионистскими организациями. Однако, по версии газеты, это может привести к негативной реакции со стороны арабских политических лидеров, готовых принять британский протекторат, но отказывающихся подчиниться власти еврея [10].

Ещё одно издание либеральной партии «The Daily Chronicle» нейтрально отнеслось к событию, объясняя, что ответственность за развитие Святой Земли лежит не на одном человеке, а на великой державе – Британской империи [7].

Лейбористская «Daily Herald» восторженно восприняла новость о назначении Г. Самуэла, который «способен организовать эффективно работающую администрацию и воплотить на практике «политику уравнивания» арабов и евреев» [8].

Исходя из приведённых выше точек зрения, отражённых, в частности, в британской прессе, следует, что назначение Г. Самуэла оценивалось большинством изданий положительно. Главный критерий, способствующий оформлению данной позиции, определялся возможностями комиссара предотвратить конфронтацию в Палестине арабов и евреев.

Принятие Великобританией мандата на управление Палестиной также находилось в центре внимания прессы в начале 1920-х годов.

«The Morning Post» указала на массу трудностей, с которыми неизбежно столкнётся Британия при исполнении функций страны-мандатария. Источником проблем совершенно определённо считалась Декларация Бальфура, давшая старт опасному «сионистскому эксперименту» [11], кардинально изменившему функции и степень ответственности мандатария [13].

«The Daily Chronicle», напротив, оценивала получение мандата в качестве крупнейшего успеха британской дипломатии [6]. Великобритания посредством закрепления за собой статуса страны-мандатария получает уникальную возможность исполнить великую миссию по возрождению двух некогда притесняемых и забытых цивилизаций (имеется ввиду арабской и иудейской - А.Ш.) [9].

«Daily Herald», по сравнению с 1918-1919 г.г., отошла от интернационалистической трактовки мандатного управления, констатировав, что Великобритания по политическим параметрам готова исполнить функции страны-мандатария. Особо подчёркивалось, что мандат – это временная мера, подразумевающая в себе развитие политических институтов и экономики угнетённых народов [8].

Таким образом, вопрос о получении мандата вызвал появление трёх различных точек зрения в британских изданиях. Первая оформлялась как однозначная ассоциация с негативным влиянием Декларации Бальфура на исполнения обязательств мандатария. Вторая предусматривала укрепление позиции Великобритании на международной арене посредством получения мандата. Третья точка зрения опиралась на признание мандата временной мерой, обусловленной спецификой положения в послевоенном мире.

Список использованных источников

1. Boustany, W. F. The Palestine mandate. Invalid and impracticable. A contribution of arguments and documents towards the solution of the Palestine problem / W.F. Boustany. - Beirut. 1936.
2. Bethmann, E.W. Decisive Years in Palestine: 1918-1945 / E.W. Bethmann - N.Y. 1957.
3. Documents on British foreign policy. 1919-1939 / ed. by E.L. Woodward & Rohan Butler.
4. Sidebotham, H. British Policy and the Palestine Mandate / H. Sidebotham - London: Benn, 1929.
5. Wasserstein, B. Herbert Samuel: A political life/ B. Wasserstein. – Oxford: Clarendon press, 1992.
6. The Daily Chronicle - 1920 - May, 30
7. The Daily Chronicle. – 1920 - April, 27.; 1921 - June, 18.; 1924 - September, 8
8. Daily Herald. - 1921 - June, 15
9. The Daily Chronicle. – 1920 - July, 12.
10. Manchester Guardian. – 1921 - February, 16.; 1921 - April, 22.
11. The Morning Post. – 1920 - April, 29
12. The Morning Post. - 1920 - June, 21.
13. The Morning Post. – 1922 - May, 23.
14. The Times. – 1920 - March, 31.
15. The Times. – 1920 - July, 24.; 1920 - October, 28.; December, 14; 1921 - February, 18

***

Дорофеев Д.

ГЕНЕЗИСА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА США: КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНВЕНТ 1787 Г.

Процесс пересмотра внешнеполитического механизма США на основе «Статей Конфедерации» проходил в рамках общей ревизии организации государственной власти в североамериканском государстве. На протяжении 1780 – 1786 гг. процедура изменения внешнеполитического механизма эволюционировала от внесения поправок к созыву Конституционного Конвента. Несмотря на разную степень интенсивности, в обоим вариантах трансформации отображалась одна основная тенденция – определение «объема» полномочий Конгресса в сфере внешнеполитического механизма.

Кампания за внесения изменений во внешнеполитический механизм началась сразу же после ратификации 1 марта 1781 г. «Статей Конфедерации». Спустя пять дней после этого события, 6 марта 1781 г., делегаты Континентального Конгресса избрали комитет в составе Дж. М. Варнума (Р.-А.), Дж. Мэдисона (Вирг.), Дж. Дуэйна (Н.-Й.) с целью подготовить план полномочий Конгресса в соответствии с первой Конституцией Соединенных Штатов.

Доклад комитета был подготовлен к 16 марта 1781 г. В источнике содержалось предложение внести поправку в Ст. 13 о расширении полномочий Конгресса: в случае, если один или несколько штатов отказываются или пренебрегают решениями Конгресса или положениями «Статей Конфедерации», то Конгресс должен был получить право применить силу для того, чтобы разорвать торговлю и связи штата или штатов с иностранными государствами до тех пор, пока они не станут выполнять союзные обязательства. Для изучения выводов доклада, 2 мая делегаты Конгресса избрали «большой комитет» в составе Дж. Салливана, Дж. М. Варнума, А. Уарда, С. Хантингтон, Дж. Дуэйна, А. Кларка, Т. Смита, Н. Ван Дайка, Т. Бланда, Д. Кэрролла, С. Джонсона, Дж. Мэтьюса, У. Фью.

Спустя полтора месяца, 20 июля, «большой комитет» представил делегатам итоговый документ, в котором радикальные предложения доклада от 16 марта были заменены более умеренной позицией: отрицалось право Конгресса применять санкции против внешнеполитической деятельности штата, за исключением состояния войны, когда высший орган власти в стране получал право вводить эмбарго не более, чем на 60 дней.

В тот же день, 20 июля, делегаты избрали третий по хронологии комитет, в составе Э. Рандольфа, О. Элсуорса, Дж. М. Варнума, которому предстояло подготовить толкование «Статей Конфедерации», план их полного исполнения и дополнительные статьи. Работа над документом заняла один календарный месяц. 23 августа доклад комитета был рассмотрен делегатам. В этом источнике рекомендовалось внести поправку в «Статьи Конфедерации» о наделении полномочиями Конгресса предусматривать в договорах с иностранными державами право Конгресса открывать консульства, не обращаясь за утверждением этого решения к легислатурам каждого отдельного штата.

Исторические источники не дают возможности проследить, как вопрос о рекомендации комитета был рассмотрен. Однако, точно известно, что решение по этому вопросу не было принято.

Практически, на рекомендациях комитета в составе Э. Рандольфа, О. Элсуорса, Дж. М. Варнума внешнеполитическая проблематика была исчерпана. В последовавших дебатах 1781-1783 гг. о расширении полномочий Континентального Конгресса не содержалось обсуждение вопросов, касавшихся внешнеполитического механизма. В условиях войны за независимость пересмотр, как внешнеполитического механизма, так и всей конституции был недопустимым шагом, ставившим под угрозу существование Соединенных Штатов.

Положение меняется в послевоенное время: на рубеже 1783-1784 гг., когда становится известно в США о решении британского кабинета Уильяма Кавендиш-Бентинка от 2 июля 1783 г. о закрытии торговли для американских граждан в вест-индских владениях Великобритании.

В качестве реакции на антиамериканские действия, 24 января 1784 г. делегаты Конгресса назначили комитет в составе А. Ли, Э. Джерри, Я. Рида с целью выработать обращение к населению США в связи с действиями Великобритании.

22 апреля 1784 г. комитет подготовил доклад и представил его на рассмотрение делегатам, которые начали его рассмотрение 30 апреля. В документе подчеркивалась необходимость предпринять контрдействия на политику Великобритании, расширив полномочия Конгресса для ведения внешнеэкономической деятельности по защите и развитию американской торговли с иностранными государствами.

На основе доклада, делегатами было принято решение ввести временное, 15-летнее, право Конгресса запрещать ведение торгово-экономической деятельности штатов с иностранными державами, с которыми ранее были подписаны договоры. Это положение было принято и рекомендовано к утверждению легислатурам штатов.

Усугубление экономической депрессии, после окончания американо-британской войны, побуждало торговые круги, особенно северных штатов, требовать расширение прав Континентального Конгресса в торговой сфере, делая их не временными, а постоянными. На этой основе, 5 декабря 1784 г. делегаты Конгресса приняли решение о создании комитета для выработки рекомендаций по регулированию торговли. В состав комитета были включены Д. Джей, Э. Джерри, Дж. Монро, Р. Д. Спайт, У. Хьюстон.

Несмотря на то, что доклад комитета о поправках к «Статьям Конфедерации» был готов 16 февраля, его рассмотрение не удавалось осуществить до 28 марта 1785 г. Содержание источника позволяет сделать вывод о том, что членами комитета предлагалось внести изменения в Раздел 1 Статьи 9. В основном предложения касались расширения полномочий Конгресса: этому институту предоставлялись права регулировать торговлю штатов с иностранными державами.

28 марта 1785 г. делегаты Конгресса не вынесли решение по расширению торговых полномочий, и вопрос был отложен. Его повторное рассмотрение проходило 13 и 14 июля 1785 г. Дискуссия шла в рамках противостояния «грузоперевозящих штатов» («carrying states»). – Д.Д.) Севера и «сельскохозяйственных штатов» («planting states»). – Д. Д.) Юга.

Столкновения позиций привели к тому, что на протяжении всего 1785 г. решения о введении поправок к статьям конфедерации не удалось реализовать на практике. Делегаты вернулись к этому вопросу лишь весной 1786 г.

3 мая, по инициативе Ч. Пинкни, Конгресс принял решение о создании комитета по рассмотрению вопроса о полномочиях общегосударственного института власти в сфере внешнеторговой деятельности. Спустя 2 месяца, 3 июля, был учрежден состав комитета, в который вошли: С. Ливермор, Н. Дэй, Дж. Мэннинг, У. С. Джонсон, М. Смит, Дж. К. Симмес, Ч. Петтит, Дж. Хенри, Х. Ли, Т. Бладуорс, Ч. Пинкни, У. Хьюстон. В рамках комитета был создан подкомитет в составе Ч. Пинкни, Н. Дэйна, У. С. Джонсон, который и подготовил текст документа.

7 августа комитет предложил 7 поправок к Статьям конфедерации, среди которых только в одной предполагалась прежняя идея: наделить правом Конгресс регулировать торговлю штатов с иностранными государствами. Делегаты приняли решение о рассмотрении поправок на 14 августа 1786 г., однако эта процедура не состоялась.

Основная причина, по которой процедура рассмотрения вопроса была сорвана, заключалась в противостоянии между делегатами северных и южных штатов по вопросу о переговорах секретаря по иностранным делам США Дж. Джея с послом Испании в США Дон Диего де Гардоки. Дискуссия по этому вопросу велась делегатами с 16 по 22 августа, с 28 августа по 1 сентября и ее ход сорвал рассмотрение вопроса о внесении поправок к «Статьям Конфедерации», так как южные штаты заблокировали этот процесс.

Провал рассмотрения вопроса о принятии поправок стал толчком для реализации проходившего параллельно плана трансформации внешнеполитического механизма при помощи созыва Конституционного Конвента.

На протяжении порядка 6 лет идея проведения конвента циркулировала в американских политических кругах: о необходимости созыва стали говорить еще в 1780 г. генерал Н. Грин, генерал Дж. Салливан, Т. Пэйн, А. Гамильтон. Однако, конкретные действия по реализации этой идеи стали происходить в результате малой вероятности принятия поправок к «Статьям Конфедерации»: 21 января 1786 г. легислатура штата Виргиния приняла решение об избрании пяти комиссаров для встречи с аналогичными представителями штатов с целью выработки решений в сфере регулирования торговли США. Виргинская инициатива привела к тому, что 11 сентября 1786 г. в г. Аннаполис, штат Мериленд, 12 делегатов от пяти штатов – Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Виргиния – собрались для выработки решений проблем, которые были предложены в виргинской инициативе в январе 1786 г.

После трех дней работы, 14 сентября, председатель конвента Дж. Дикинсон подготовил доклад, который был принят делегатами конвента в качестве итогового документа. В источнике отмечалось наличие серьезных дефектов в организации федеральной системы власти, которые оказывали негативное воздействие на внешнюю политику Соединенных Штатов.

20 сентября 1786 г. делегаты Конгресса получили доклад конвента. 11 октября решением Конгресса был назначен комитет из 10 делегатов – Н. Дэйв, Н. Миллер, Дж. Стерджес, М. Смит, Л. Кадуолладер, Ч. Петтит, Д. Хенри, Э. Каррингтон, Дж. Буль, У. Фью – для рассмотрения документа.

Дальнейший ход событий, оказавший воздействие на сроки рассмотрения документа комитетом был связан, во-первых, с отсутствием до 12 февраля 1787 г. кворума в Конгрессе, что затягивало начало финансового года, а, во-вторых, из-за экономического и социально-политического кризиса – восстание Шейна в Массачусетсе, коллапс уплаты налогов в Пенсильвании, Виргинии, Южной Каролине.

13 февраля 1787 г. делегаты Континентального Конгресса приняли решение о добавлении двух членов к «большому комитету», назначенному 1 октября 1786 г. Спустя неделю, 21 февраля, комитет предоставил доклад, в котором однозначно выражалась необходимость созыва Конституционного Конвента во второй понедельник мая 1787 г.

На протяжении 6 лет, с 1781 г. по 1787 г., в Соединенных Штатах проходил процесс пересмотра конституции, который имел отношение к ревизии внешнеполитического механизма. Последнее выразилось в том, что борьба за расширение полномочий Конгресса в сфере ведения внешнеторговых отношений с иностранными государствами стал одним из основных факторов трансформации внешнеполитического механизма, который был выработан на Конституционном Конвенте в г. Филадельфия в сентябре 1787 г.

***

Зайко А.

УСТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКИХ КОНТАКТОВ В XVIII ВЕКЕ

Первым японцем посетившим Россию был католик, который сопровождал своего наставника Николая Мело, они вдвоём путешествовали по России в конце XVI века. По приказу Бориса Годунова они были схвачены, как иностранцы миссионеры и сосланы в Соловецкий монастырь. На Руси среди бояр и купцов ходили слухи о стране карликовых богатырей, эти сведения передавались через иностранцев, в основном через испанцев, португальцев, голландцев побывавших на Руси. Однако прямых контактов между Россией и Японией не было вплоть до XVIII века.

Наступил конец XVII века. В 1695 году казак Лука Морозко совершил поход на Камчатку и Курильские острова. После возвращения в Анадырь, Морозко сообщил о результатах своего похода, боярскому сын Владимиру Атласову. Сведения о новых таинственных землях произвели такое впечатление на Атласова, что он решил организовать поход на Камчатку и Курилы.

В 1697 году Атласов выступил вместе с казацким отрядом в поход на Камчатку. Во время похода казаки описали рельеф Камчатки, её побережья, основали первое русское поселение на Камчатке – Нижне-Камчатский острог. Во время похода казаки отбили у местных аборигенов „Камчадалов” иностранца, который оказался японцем по имени Дэмбэй, выжившем после кораблекрушения у берегов Камчатки. Дэмбэй был отправлен в Москву, где ему была предоставлена почётная аудиенция царем Петром I. Царя впечатлили рассказы о стране „сакуры”. Петр I выразил желание заключить дипломатические отношения с Японией, изъявил желание сделать Японию своей союзницей на тихоокеанском побережье. После встреч с царем, японец был назначен управляющим школы японского языка. Приезд японца Дэмбея положил начало изучения японского языка в России. Японца хотели сделать первым послом России в Японии, однако смерть Дэмбэя в 1714 году помешала этим планам.

В 1711 году первыми русскими побывавшими на Курильских островах, стали казаки Д.Анциферов и И.Козыревский которые высадились на острове Шумшу. В 1711 году И.Козыревский высадился на Парамушире. Вскоре острова Шумшу и Парамушир были обозначены, как владения России на Тихом океане. Началась активная колонизация тихоокеанского побережья Российской империей.

В 1711 году на Камчатке были основаны остроги Верхне-Камчатский и Тагильский. Вскоре вблизи Охотска началось строительство кораблей для плаваний по Тихоокеанскому побережью. Первым построенным русским кораблем на тихоокеанском побережье стала ладья „Восток”. Вскоре был открыт морской путь на Камчатку.

В 1728 году у берегов Камчатки потерпело кораблекрушение японское судно. Выжить из команды удалось двум японцам по имени Содза и Гондза. Выбросившихся на берег японцев схватили казаки, а вскоре оба японцев были доставлены в Петербург, где вскоре в 1734 году они крестились и поступили на государственную службу. Гондза принял русское имя Демьяна Поморцева а Содза Кузьма Шульц. Поморцев вскоре написал первый русско-японский словарь. А в 1736 году в Санкт-Петербурге вновь открылась школа японского языка, которая была закрыта после смерти Дэмбэя в 1714 году. Императрица Анна Ивановна приказала найти морской путь к Японии и начать торговые отношения. В 1739 году вышла в плаванье экспедиция капитана М.П.Шпанберга. Цель которой, было обследование Курильских островов и поиск морского пути в Японию. В ходе экспедиции удалось нанести на карту практически все острова Курильской гряды и обозначить их, как владения России. Однако вскоре продолжить налаживание контактов России с Японией помешала кончина императрицы Анны Ивановны, а после её смерти, на престол вошла императрица Елизавета Петровна, у

которой Япония не входила в сферу интересов и до 1760 года исследования морского пути к Японии прекратились. С 1760 года казаки стали собирать дань на Курилах у айнов. С 1765 года под охраной казаков стали торговать на Курилах русские купцы.

В 1783 году у берегов Камчатки потерпело крушение японское судно Синсё-мару. Из команды спаслось 16 моряков во главе с капитаном Кодаю Дайякокуя. Выжившие японцы спаслись на острове Амчитка. На острове проживали аборигены и несколько русских во главе с купцом Невидимовым. Почти 2 года японцы прожили на острове. В течении года семь японцев умерло от болезней. В живых осталось девять и среди них Кодаю, Коити, Кюэмон, Сёдзо, Синдзо, Исокити. Однако через 2 года в 1785 году потерпело кораблекрушение русское судно. Выжившие японцы настаивали, чтобы их вернули в Японию, однако русские купцы торговавшие пушниной не понимали японского языка. Однако вскоре японцы стали учить русский язык с помощью жестов. В течении 1786-1787 гг. русские и японцы из обломков своих разбитых кораблей стали строить судно. И в июле 1787 года 9 японцев и 25 русских оплыли с острова. И в августе 1787 года благополучно достались до Нижнекамчатского. К 1789 году в живых осталось всего шесть японцев. Лишь в 1789 году выживших японцев доставили в Иркутск к губернатору. Однако губернатор не удовлетворил их просьбу о помощи в возвращении на родину. Японцы стали отчаиваться, однако вскоре произошла случайная встреча капитана Кодаю Дайякокуи с русским академиком ученым Кириллом Лаксманом, который на данный момент занимался научной работой на Дальнем Востоке. После проведенной встречи Лаксман решил послать императрице Екатерине II доклад о скором установлении торговых отношений с Японией, а также попыткой установить дипломатические отношения со страной Восходящего солнца. Екатерину II очень заинтересовал доклад Лаксмана о Японии и она выявила желание пригласить на аудиенцию японцев в Санкт-Петербург. Кюэмон и Синдзо были тяжело больны, а Сёдзо после ампутации ноги находился еще в больнице. Коити и Исокити оставили в Иркутске для ухода за больными.

15 января 1791 года японцы выехали из Иркутска и отправились в Санкт-Петербург. В ходе путешествия в Санкт-Петербург Кодай собрал богатый исследовательский материал для Японии. Он описал поселения, которые встречались на пути, описывал великанами русских жителей прилегающих поселков, описывал богатые урожаи собранные местными жителями.

19 февраля 1791 года капитан Кодаю прибыл в Санкт-Петербург. Однако провести аудиенцию императрица решила только в июне 1791 года. Вторым спутником Кодая японцем Синдзо прибыл в Санкт-Петербург в мае 1791 года. Екатерина II очень желала встретиться с капитаном японского судна. 28 июня 1791 г Кодаю была составлена грандиозная аудиенция императрицы в Царском Селе. Во время встречи с японцем императрица узнала многое о стране Восходящего солнца. Их разговор на императрицу произвел очень трогательное впечатление, и в конце аудиенции императрица протянула руку Кодаю, японец поцеловал руку, что вызвало проявление восхищения императрицы. Главным успехом было во время встречи было то, что Екатерина II приказала сделать всё для того чтобы помочь японцам вернуться на родину. В течении всего лета 1791 года японцы изучали Санкт-Петербургу и его окрестности. Им показывали дворцы, музеи, библиотеки, университеты, архитектуру Санкт-Петербурга. Японцам устроили встречу с видными чиновниками и деятелями Российской империи, а также произошла встреча между будущим императором России Павлом I с японскими моряками. Сам Кодай продолжал заниматься научной работой, провел значительную часть времени в библиотеках и музеях, и прочитал несколько лекций в университете в Санкт-Петербурге. Рассказы о Японии очень впечатлили студентов. Кодай в течении всего пребывания в столице сделал рисунки значимых архитектурных памятников Санкт-Петербурга. Во время своего пребывания в столице Российской империи Кодай завел знакомства с многими известными людьми. Японец жил в доме дворянина Буша, с самим хозяином дома у него сложились хорошие

отношения. Тем временем академик Лаксман прокладывал путь маршрута возвращения японцев.

Наступила осень. Императрица Екатерина II направила Пилю указ об установлении торговых отношений с Японией. Тем самым императрица рассчитывала на установление дипломатических отношений с Японией. Этот указ явился для японцев радостной вестью для возвращения на родину.

20 октября 1791 года Кодай был приглашен на прощальную аудиенцию к императрице. В прощальной речи Екатерина II выразила пожелание, что Россия желает установления торговых отношений с Японией, а также в будущем императрица надеется на установление дипломатических отношений между двумя странами.

26 ноября 1791 года японцы вместе с сопровождающей группой во главе сыном академика Кирилла Лаксмана, поручиком Адамом Лаксманом выехали из Санкт-Петербурга. 29 ноября 1791 года прибыли в Москву. В Москве японцы пробыли десять дней, Кодай успел сделать зарисовки Кремля и других мест, связанных с Москвой. Наконец 23 января 1792 года японцы прибыли в Иркутск. Синдзо и Сёдзо решили остаться в России. Пересидев зиму Кодаю вместе с Коити и Исокити и сопровождавшей его группой, отправился на корабле по реке Лене в Якутск в июне 1792 года. Всё лето Кодаю в сопровождении группы Лаксмана занимался исследованием Сибири, очень точно описал реку Лену а также горы, тайгу, живность в которых она водилась. А в конце августа 1792 года группа прибыла в Охотск, где их уже ждала приготовленная к отплытию бригантна „Святая Екатерина”, которая была построена по указу Екатерины II для отправки в Японию торговой экспедиции во главе Кодаю и Адамом Лаксманом.

13 сентября 1792 судно вместе с японцами и миссией Лаксмана отплыло в Японию. По пути им благоприятствовала приятная не ветряная погода. 7-8 октября 1792 года бригантна достигла острова Хоккайдо где члены экипажа и представители торговой миссии высадились на берег и обменялись подарками с местными аборигенами Айну. Русские моряки установили дружеские отношения с аборигенами Айну и пообещали в скором времени вернуться и продолжить торговлю. Затем проплыв пару дней корабль достиг первого поселения японцев на острове Хоккайдо Немуро. Японские поселенцы дружески встретили русских моряков, особенно японцы обрадовались, когда узнали что на борту судна находится трое японских моряков, которые после кораблекрушения и долгих скитаний по России хотели вернуться домой. Русским морякам разрешено было построить домик для зимовки. А также японцы не препятствовали научным исследованиям русским в окрестностях Немуро, но был лишь запрет торговли с Айну.

В декабре 1792 года Лаксману было сообщено, что его письмо было доставлено в японскую столицу а в конце декабря прибыли японские чиновники в Немуро. Чиновники сказали Лаксману что их очень интересует установление торговых отношений с Россией, что японцы очень хотят применить новые технологии которыми пользуются русские, и много другого полезного, что связано с Россией. Однако, чтобы воплотить все эти решения надо получить ответ от правительства Японии, так как сам чиновничий аппарат княжества Мацумаэ расположенного на острове Хоккайдо, желает установление торговых отношений с Россией. Коити умер в апреле 1793 года от цинги.

Пережив зимовку, 4 июня 1793 года Святая Екатерина покинула порт Немуро и 8 июня прибыла в Хакодате. Однако японские чиновники, опасаясь приказа сёгуната в котором говорилось уничтожать любые иностранные суда зашедшие в японские порты, поэтому японские чиновники настороженно встретили русских и отказали им. Кодаю и Исокити остались в Хакодате, обменявшись подарками с японцами 11 августа 1793 года „Святая Екатерина” отплыла из Японии. Вернулась 11 сентября 1793 года в Охотск.

Русско-японские контакты XVIII века не явились установлением торговых и дипломатических отношений между двумя странами, однако японцы и русские вступили впервые в контакт и даже попытались установить отношения, что в дальнейшем послужит

во второй половине XIX века установлением, как торговых, так и дипломатических отношений между Россией и Японией.

Список литературы

1. История российско-японских отношений: XVIII - начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С. В. Гришачева. – М.: Издательство Аспект Пресс, 2015. – 336 с.
2. Кожевников В. В. Российско-японские отношения в XVIII — XIX/ В. Кожевников. – Владивосток: Изд-во дальневосточного университета, 1997. – 112 с.
3. Накамура С. Японцы и русские / С. Накамура. – М.: Прогресс, 1983 – 302 с.
4. Широкопад А.Б. Япония. Незавершённое соперничество/ А.Б. Широкопад. – М.: Вече, 2008. – 448 с.

***

Рейзов И.

ОЦЕНКА В РОССИИ СОСТОЯНИЯ АМЕРИКИНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2009 – 2011)

После выхода КНР в 2010 г. на второе место в мире по объёму ВВП, в российских экспертных кругах стали уделять пристальное внимание перспективам развития американо-китайских отношений. Это обуславливается тем, что темпы экономического роста Китая и необходимость в новых источниках энергии и природных ресурсов могут неизбежным образом привести к глобальному столкновению интересов США и КНР и так называемому новому переделу сфер влияния. В этой связи, российскими экспертными кругами допускаются риски того что Россия может оказаться перед выбором и необходимостью выстраивать новые сбалансированные союзы (РФ + США в противовес КНР или РФ + КНР в противовес США) [6]. Более того, период 2009 – 2011 гг. является важным этапом развития американо-китайских отношений. С одной стороны, это связано приходом к власти в США новой администрации, во главе с Б. Обамой, и переходом американо-китайских отношений в военно-стратегическое русло (предложения США создать совместно с Китаем G2 и т. д.), с другой стороны, 2010 г. период охлаждения американо-китайских отношений, вызванный продажей администрации Обамы, новой партии военной техники Тайваню, требования к Китаю ревальвировать национальную валюту, активизация вооруженных сил США в районе Южно-Китайского моря, и переход отношений в русло соперничества [3].

В этом ключе, рассмотрение восприятия в экспертной среде России американо-китайских отношений за период 2009 – 2011 гг. представляет собой актуальное направление исследования, так как позволяет России выработать наиболее эффективную модель адаптации в трансформирующихся условиях глобальных процессов, избежать втягивания России в «экономическую войну» между КНР и США, и обострения отношений с обоими государствами.

В российской экспертной среде превалирует точка зрения, согласно которой политика США сегодня и в будущем будет определяться «китайским фактором». Доктор политических наук А. Виноградов отмечает, что ситуация в мире изменилась: «Китай вышел на новый военно-политический уровень, с его военно-техническим потенциалом в АТР уже нельзя не считаться, а укреплять его – вряд ли в интересах США. Китай теперь может консолидировать вокруг себя новые силы, где могут возникнуть элементы нового миропорядка» [6]. Если взглянуть на развитие отношений КНР с развивающимися африканскими странами, то за период 2009 – 2011 гг. Китай предоставил им кредитов в 110 млрд. дол., это значительно больше, чем Всемирный Банк. Директор Центра АСЕАН при МГИМО В. В. Сумский отмечает, что центр мировой экономической активности перемещается в АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион), и связано это со стремительным ростом Китая в регионе. Так как именно усиление региональных позиций КНР, дает эффект превращения его в глобального игрока. В данном случае, все, что США делают за рамками Восточной Азии, так или иначе, руководствуется фактором Китая [5]. Это является одной из причин предложения в 2009 г. администрацией Обамы Пекину создание G2 и разделения сфер влияния, то есть путём встраивания КНР в международную систему и совместную работу по вопросам глобального характера, США пытаются обезвредить КНР, однако Китай отказался от данной идеи, и остался верен концепции многополярности [2].

На сегодняшний день интересы Китая и Соединённых Штатов сталкиваются практически во многих регионах планеты: на Тайване, в Афганистане, Иране Юго-Восточной и Центральной Азии, в Африке. США и её союзники всяческими способами пытаются ограничить влияние Китая на международной арене, а также дестабилизировать

ситуацию на её периферии. Главной задачей для США является снижение экономического роста КНР, путём его вытеснение из стран богатых стратегическими ресурсами. Второй задачей для Соединённых Штатов является побуждение Китая к экспансии в Россию, так как это позволит в значительной степени ослабить и Москву, и Пекин, главных конкурентов США [4]. В данном случае оценки российской экспертной среды неоднозначны. Эксперты отмечают, что экономическая зависимость между двумя странами может служить гарантией стабильного сотрудничества и мирного сосуществования. Кроме того, по мнению редактора журнала, Индекс Безопасности Е. Н. Петелина, энергетическая сфера взаимодействия между Пекином и Вашингтоном демонстрирует возможности развития конструктивного диалога, сдерживающего кризисные тенденции в рамках двусторонних отношений. Однако в случае военного противостояния между Пекином и Вашингтоном, Россия может оказаться перед серьёзным выбором. По мнению кандидата политических наук В. А. Орлова: «Если американо-китайская конфронтация будет нарастать, Россия не сможет вечно находиться над этой схваткой. Наверное, есть вероятность, что мы скорее окажемся вместе с Китаем, чем с Соединёнными Штатами» [5]. Доктор политических наук И. А. Зевелев отмечает, что с позиционирования Китая, себя как глобальной державы будет возрастать значение России для США. В данном случае Москва, обладая значительно меньшим потенциалом, чем Пекин и Вашингтон, тем не менее, может выбирать поочередно в качестве партнера то одного, то другого. Ни одна другая держава не имеет таких возможностей, чтобы выступать в роли «swing state» в отношениях Китая и Соединённых Штатов. Однако, по мнению эксперта, интеллектуально и дипломатически Россия к этому не готова [5]. Российский политолог Карен Брутенц отмечает, что сотрудничество с КНР имеет для РФ первостепенное значение, так как даёт России весомые преимущества в международной политической игре, напротив ссора с Пекином, обречет Москву на роль младшего партнера США, и сделает Россию марионеткой в сложной политической игре Америки с Китаем. А это, кроме всего прочего, неминуемо приведёт к изоляции России в Азии [1].

Подводя итоги исследования, следует отметить, что в российской экспертной среде вызывает резонанс вопрос американо-китайских отношений для РФ периода 2009 – 2011 гг. В данном случае оценки экспертной среды неоднозначны. Тем не менее, следует отметить, что в результате анализа, выявлено два базовых подхода, которые явно противоположны друг другу. Первый подход подразумевает, что в случае противостояния США и КНР, России следует оказаться на стороне Китая, нежели США, так как сотрудничество РФ и КНР даст России явные преимущества на международной политической арене и позволит укрепить свои позиции на глобальном уровне. Второй подход подразумевает, что с укреплением позиций Китая в мире возрастёт значение РФ для США. В данном случае Россия может оказаться в роли «swing state» и балансировать между обеими державами, максимально извлекая выгоду из своего положения.

Список литературы

1. Брутенц К. Россия и Азия // *Международная жизнь*. – М, 2011. – №3.
2. Кратко о американо-китайских политических отношениях с приходом администрации Б. Обамы [Электронный ресурс] // *Мегагазета*. 2010. 9 июня. URL: <http://magazeta.com/2010/06/obama-vs-china> (дата обращения: 15.05.2016).
3. Лукьянов Ф. Американо-китайские ценности // *Россия в глобальной политике*. – М.: ЭСМО, 2011. № – 1.
4. Самофалов. В. Китай – США: "большая двойка" или новая холодная война? [Электронный ресурс] // *Gazeta.Zn*. 2013. 9 августа. URL: <http://gazeta.zn.ua/international/kitay-ssha-bolshaya-dvoyka-ili-novaya-holodnaya-voyna-.html> (дата обращения: 8.05.2016).

5. Стапран Н.В. Китай vs США: взгляд из региона. Итоги круглого стола "Противоборство Китая и США в Азии: выводы для России" / Н.В. Стапран // Индекс безопасности. – 2012. – № 2 (101). – С. 108.
6. Фролова И. Ю. Американско-китайские отношения на новом этапе [Электронный ресурс] // РИСИ. 2011г. 26 февраля. URL: <http://riss.ru/events/1826/> (дата обращения: 20.05. 2016).

***

АФГАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РАЗВИТИЕ В XX-XXI ВЕКАХ

Во всем мире есть так называемые «горячие точки», которые не погаснут в течение нескольких веков. Если искать ответ на вопрос почему некоторые государства являются «горячими точками», то получаем два конкретных и разумных вариантов: а) географическое расположение этих стран имеет стратегического характера; б) отсутствие централизованного, сильного правительства. Эти причины легли в основе беспорядочности и отсталости Афганистана в прошлом веке. Афганистан имеет очень хорошее географическое расположение, благодаря которого непосредственно оказывает влияние на Южную, Ближнюю и Центральную Азию. Именно поэтому граница этой страны создала интерес еще в XIX веке между стран-державами. Из-за постоянных войн и междоусобий социальная структура Афганистана была зависима основном от верхнего слоя - правительства. До 1964 г. члены королевского клана мухаммадзай (пуштуны союза племен дуррани) традиционно занимали верхнюю часть социальной структуры [3, с. 53]. Следующий по значению слой составляли чиновники, религиозные лидеры, вожди влиятельных племен, генералы, крупные землевладельцы. Ниже располагались администраторы и офицеры, получившие образование за рубежом, занявшие места в структуре государственного управления, армии и полиции, а также научная элита и крупные богословы. После них стояли лавочники, врачи, мелкие и средние торговцы, деревенские священнослужители (муллы), провинциальные чиновники и другие должностные лица на местах. В самом низу иерархии находились рядовые крестьяне и скотоводы. После прихода к власти в 1978 г. «Народно-демократической партии Афганистана» (НДПА) правящая элита подверглась радикальной трансформации: доминирующие позиции в системе государственного управления заняли функционеры правящей в данном времени партии и лица, поддерживавшие правительство (офицеры, интеллигенция, средние предприниматели, чиновники) [2, с. 404]. Духовенство, ханы племен, крупные предприниматели и землевладельцы были репрессированы и в массовом порядке покинули страну. В этот период социально-общественная структура кардинально изменилась. За пределы Афганистана бежали и миллионы крестьян, лавочников, представителей интеллигенции. В период правления президента Наджибуллы (1986-1992 гг.) многие видные посты в системе государственного управления заняли лояльные режиму беспартийные деятели.

После падения правительства президента Наджибуллы в 1992 г. и прихода к власти исламистов состав правящей элиты вновь радикально изменился: господствующие позиции в политике и экономике заняли лидеры военно-политических группировок талибов, высокие религиозные представители и лидеры духовенства, крупные полевые командиры: власть захватывалась силой оружия. В этом периоде быстро развивался процесс фрагментации власти: используя силу, лидеры крупных вооруженных формирований создавали в областях полуавтономные структуры власти. Подобные полуавтономные местные администрации практически не подчинялись к центральному правительству. Высшие традиционные слои - передовые лица духовенства и ханы племен - были окончательно вытеснены из властных структур. В созданном талибами в 1996 г. Исламском Эмирате Афганистан власть перешла к муллам (религиозные и духовные представители общества) и связанным с ними командирами вооруженных отрядов [1, с. 157]. После разгрома режима талибов к власти на местах вновь вернулись полевые командиры моджахедов при слабом центральном правительстве. Сделавшие состояние на вооруженном грабеже и наркотиках, они де-факто становились руководителями местных администраций. В последнее время в процессе создания новых, современных институтов их политические позиции слабеют. В их среде формируются наркобароны и крупные

предприниматели. Одновременно на политическую арену Афганистана выходят представители нового поколения технократов из числа амбициозных и образованных эмигрантов, возвращающихся из других стран.

В стране проживают более 20 народов, в основном пяти этнических групп: иранской, тюркской, арабской, северо-индийской и дравидской [4, с. 49]. Все они отличаются друг от друга по количественному составу, уровню социально-экономического развития, исторически сложившейся роли в экономической и политической жизни страны. В Афганистане сохранилась родоплеменная структура. Народности делятся на племена, кланы, роды, семейства. Примерный национальный состав страны следующий: пуштуны (8,2 млн. чел.), таджики (3,3 млн. чел.), узбеки (около 2 млн. чел.), хазарейцы (1,5 млн. чел.), чараймаки (около 1 млн. чел.), туркмены (около 500 тыс. чел.).

Основной отраслью экономики являлось сельское хозяйство. Оно давало 60 % валового национального продукта (ВНП) или внутреннего валового продукта (ВВП) [1, с. 114]. По неофициальными данными на наркопроизводство соответствует около 40 % ВВП. Основная причина столь много производство наркотиков является не трудности при выращивании растения и высокотребованные покупатели со всех уголков мира. Крестьянин получает примерно сто раз больше чистый прибил от выращивания мака чем производства любых других видов растений. Финансовый фактор тоже во многим определил производство наркотика в Афганистане. Помещикам, составлявшим 2 % сельского населения, принадлежали 30 % пригодных для обработки земель, тогда как около 1/3 крестьянских хозяйств совсем не имели земли. Была распространена аренда с выплатой помещику до половины урожая. Свыше половины пригодных для посевов земель не обрабатывались. Вместе с тем страна ввозила значительную часть потребляемого зерна и другого продовольствия. На долю промышленности приходилось всего 3,3 % ВВП. В стране насчитывалось немногим более 200 промышленных предприятий (в основном по переработке сельскохозяйственного сырья), где работали в общей сложности 44 тыс. человек. Ещё 67 тыс. человек были заняты в строительстве. Около 2,5 млн жителей Афганистана вели кочевой и полукочевой образ жизни. Не смотря на постоянных войн и беспорядок населения страны вырастает достаточном уровне. Это прежде всего обусловлено превосходствами числа рождении чем числа смерти.

Однако, тем не менее, постепенно в Афганистане идет развития. Страна приобретает свой международный статус. Можно сказать, что в нашем веке социальная жизнь населения государства намного улучшилась чем в прошлом веке. Сотрудничества с разными государствами и международными организациями немного изменяет государственный строй и политику. После событий 11 сентября страна достаточна изменилась. Приняли старую конституцию (1964 г.) с некоторыми изменениями. Открыли школы для девочки, в конституции ввели статьи о работе пресса и о свободе прав граждан.

Афганистан до сих пор остается «горячей точкой». Это гражданская война может и не закончится если не прекращает свои «благотворительности» страны-спонсоры. Обобщая всего этого можно сделать заключения, что на сегодняшний день афганское общество все-таки отстает от развития. Сейчас в этом глобализованном мировом обществе сохранить мир является актуальной задачей. Проблему Афганистана необходима решит только мирном способом. Всякие меры с использованием оружие можно приводит к выходу ситуацию под контролем.

Список использованных источников:

1. Афганистан на переходном этапе / Под ред. В. Коргуна. – М.: Наука, 2002. – 356 с.
2. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВРАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения, 2004. – 529 С.

3. Очерки по новой истории Афганистана: сб. статей. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1966. – 196 с.
4. Слинкин. М.Ф. Этническая проблема в Афганистане // Культура народов Причерноморья. - 2005. - № 66. – С. 46-60.

***